

Изын Мао

Цветы
не знают
волно неба

Том 3

18+

Цзян Мао

Цветы не знают волю неба. Том 3

«Автор»

2025

Мао Ц.

Цветы не знают волю неба. Том 3 / Ц. Мао — «Автор», 2025

«...Если какие-то тайны не были раскрыты, рано или поздно они нас настигнут. И за них придётся заплатить свою цену». Настоящее не может существовать без прошлого. И как бы ни хотелось кому-то скрыть правду, похороненные много лет назад тайны однажды станут тем, что вызовет бурю. Когда мечи обратятся друг против друга, когда враги и друзья поменяются местами, когда справедливость суждений будет подвергнута сомнениям — на чьей стороне окажется истина? Связанные волей неба судьбы в итоге сойдутся в одной точке, которой суждено стать концом или же новым началом.

Содержание

Глава 66	5
Глава 67	11
Глава 68	16
Глава 69	21
Глава 70	26
Глава 71	30
Глава 72	33
Глава 73	38
Глава 74	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Цзян Мао

Цветы не знают волю неба. Том 3

Глава 66

– Победителями состязания Небесного Меча признаются ученики великих школ Хунфэн и Хэйшуй – Мо Байхэ и Гуй Умин! – торжественно объявил Председатель Великого Совета.

Юноша в чёрном халате с воротом, расшитым серебряными узорами, с бесстрастным лицом дослушал речь Председателя, затем, приняв награду, покинул помост, направившись в сторону трибун, над которыми висела табличка с названием школы Хэйшуй. Ученик был очень юным, его лицо ещё сохраняло детские черты, однако пронзительный взгляд чёрных глаз словно принадлежал повидавшему жизнь человеку.

Юноша вошёл под навес и поклонился:

– Учитель.

Напротив него сидел мужчина, которому на вид было чуть больше сорока лет. Его волосы, собранные в пучок на затылке, кое-где уже серебрились сединой. Он имел крепкое телосложение и отличался внушительным ростом. На его поясе висел меч в чёрных, как смоль, ножнах и с такой же чёрной рукоятью, украшенной серебряной инкрустацией в виде рыб.

– Шисюн!¹ – сидевший рядом с мужчиной мальчик лет девяти вскочил со своего места и бросился к вошедшему юноше, вцепившись в его рукав. – Это было просто невероятно! – в глазах орехового цвета, обрамлённых чёрными пушистыми ресницами, искрился неподдельный восторг.

Юноша едва заметно улыбнулся, коснувшись рукой макушки мальчика, затем опустил голову и обратился к мужчине:

– Этот ученик подвёл учителя.

– Ты первый, кто в столь юном возрасте смог выиграть состязание Небесного Меча, – сказал мужчина немного хриплым голосом. – Не стоит себя принижать.

– Я не выиграл, а лишь разделил победу.

Мужчина махнул рукой:

– Для тебя честь разделить победу со столь выдающимся учеником, как Мо Байхэ. А вот для него не сумеет превзойти противника твоих лет – скорее пощёчина. Так что тебе не о чем переживать.

– Шисюн, через пять лет я обязательно одолею всех учеников Хунфэн, чтобы отомстить за тебя! Вот увидишь! – мальчик расправил плечи и надулся от важности.

– Глупый, – Гуй Умин улыбнулся. – Это всего лишь соревнование. Если хочешь победить, то делай это ради себя, а не для того, чтобы доказать что-то мне.

– Твой шисюн прав, Улянъ. Здесь ты сражаешься за себя. Но за пределами соревновательной арены мир куда сложнее, – мужчина замолчал, устремив взгляд на противоположные трибуны, над которыми висела табличка школы Хунфэн.

На центральном месте там сидел глава – Вэй Юань. Непревзойдённый мастер техники «Переменчивых вод», не проигравший в своей жизни ни одного поединка. Вэй Юань был тем, благодаря кому школа Хунфэн находилась на пике своего расцвета. Справа от него стоял молодой мастер в тёмно-красных одеждах. Он выглядел так величественно, но вместе с тем утончённо, что неизбежно притягивал к себе внимание. Молодому человеку было всего девятнадцать, но он уже имел славу знатока боевых искусств и был в шаге от того, чтобы получить

---

¹ Старший соученик (об учениках одного учителя).

звание великого мастера – поистине выдающееся достижение в его возрасте. Все как один прочили ему место следующего главы Хунфэн. Действительно, было бы сложно найти более достойного преемника Вэй Юаня, чем его первый ученик.

Слева от главы на скамеечке сидел мальчик лет девяти-десяти, болтая ногами и то и дело вертя головой по сторонам. У него был довольно скучающий вид. Казалось, что он изо всех сил пытается найти тут что-нибудь интересное, чтобы можно было развлечься. Когда на трибуну поднялся ещё один юноша, мальчик оживился, вскочил на ноги и стал что-то с жаром рассказывать ему, махая руками.

– Это мне с ним придётся сражаться на следующих состязаниях? – Сэн Улян упёрся руками в бока и оценивающим взглядом окинул мальчика на противоположных трибунах.

– Кто знает. Если он будет достаточно хорош, чтобы сразиться с тобой, возможно, вы сойдётесь в поединке, – ответил ему учитель.

– Разве у главы Вэя может быть заурядный ученик, – бесстрастно бросил Гуй Умин.

Ло Луман тихо засмеялся, по-прежнему продолжая смотреть на противоположные трибуны:

– Вот поэтому вы и должны быть сильнее, – проговорил он, затем поднялся с места и направился прочь с арены.

– Шисюн, – Сэн Улян вновь потянул Гуй Умина за рукав. – Когда учитель возьмёт ещё одного ученика?

Юноша пожал плечами:

– Когда найдёт достойного кандидата.

– Поскорее бы, – мальчик нетерпеливо прикусил губу.

– Почему ты так этого хочешь?

– Я хочу, чтобы у меня был младший брат, пусть у меня тоже будет шиди!

– Неужели так хочется вытирать кому-то сопли? – Гуй Умин усмехнулся и дотронулся пальцем до кончика носа Сэн Уляня.

– Эй, когда это ты мне сопли вытирал! – вспыхнул тот. – Не было такого!

Гуй Умин рассмеялся и тоже стал спускаться с трибун. Сэн Улян побежал за ним следом, вопя во всё горло:

– Не было такого! Ты всё сочиняешь!

В это время Янь Лин, ловко перепрыгнув через несколько ступенек, оказался внизу. Он поднял голову и увидел, как с противоположных трибун вышел тот ученик Хэйшуй, с которым сражался Мо Байхэ, а следом выбежал покрасневший мальчишка, пыхтящий от злости. Янь Лин хмыкнул, развернулся и побежал вдоль арены к выходу. Уже перед воротами он, не останавливаясь, ещё раз обернулся, чтобы снова посмотреть на Гуй Умина. Янь Лин решил, что стоит запомнить его получше, чтобы в будущем, когда станет сильнее, точно победить. Однако ни его, ни мальчишки, что шёл с ним, уже не было видно.

Янь Лин повернул голову вперёд и тут же влетел в кого-то на всей скорости. Хоть это был человек, но сложилось впечатление, что на пути попался деревянный столб. Янь Лин едва не отлетел назад от удара, но его ухватили за локоть. Потирая ушибленный лоб, он поднял взгляд – первыми в глаза бросились ярко-оранжевые одежды. Оказалось, он врезался в ученика Хуоху. Это был высокий юноша: Янь Лину пришлось задрать голову, чтобы увидеть его лицо. Ученику было лет пятнадцать, и у него было довольно холодное и отстранённое выражение. Он без всяких эмоций посмотрел на Янь Лина, отпуская его локоть.

– Осторожнее, – бросил парень, затем повернулся и пошёл прочь.

Янь Лин перевёл взгляд на меч, висевший на поясе этого ученика, и его глаза тут же расширились. Больше всего Янь Лин любил читать о легендарных мечах, известных на всё

цзянху². Но вживую он видел лишь один из них – принадлежавший учителю Чунлай. И вдруг оказалось, что на поясе этого ученика Хуоху висел не какой-нибудь обычный меч, а Хуоцзянь! Один из «Стальной четвёрки». Янь Лин открыл рот, провожая взглядом спину юноши, пока тот не скрылся в воротах.

– Один из Ланов, значит, – Янь Лин ухмыльнулся и побежал к павильону своей школы.

В тот год победителями Небесного Меча стали двое. Нельзя сказать, что это был исключительный случай, но всё же событие довольно редкое. Ещё более удивительным делал его тот факт, что одному из победителей было всего тринадцать лет. Имя первого ученика Ло Лумана быстро разлетелось по всему цзянху. Его способности действительно были поистине исключительными. Пока члены Хэйшуй возвращались домой с места проведения состязаний, о юном ученике этой школы уже знал весь мир боевых искусств.

– А я предупреждал тебя. Чего ты этим добился? Теперь всё внимание цзянху сосредоточено на Хэйшуй, – напротив Ло Лумана сидел мужчина чуть моложе самого главы. На нём были традиционные чёрные одежды Хэйшуй, его звали Бао Ваньшан, и он приходился шиди³ главе Ло.

– Ну и что? Не всё же Хунфэн хвалиться выдающимися учениками, – Ло Луман поднёс к губам чашу с вином и сделал глоток.

– Неужели дело в твоей уязвлённой гордости? – Бао Ваньшан прищурил глаза. – Захотел покрасоваться, показав Гуй Умина?

– А почему нет?

– Ты знаешь почему! Неужели ты думаешь, что все кругом дураки и не заподозрят что-то неладное? Не может ребёнок его возраста обладать такой силой!

– Он не показал и десятой части своих истинных способностей просто потому, что пока не может их использовать, – спокойно ответил Ло Луман. – Не о чем тут переживать. В цзянху его сочтут гением и молодым дарованием, которое появляется раз в сто лет.

– Надеюсь, так оно и будет, – фыркнул мужчина. – Больше не позволяй ему показываться на этих сборищах. Он и сам ещё не до конца понимает всю глубину своей силы и не может её полностью контролировать. Если вдруг что-то пойдёт не так, Хэйшуй окажется под ударом. Гуй Умин единственный в своём роде, и без него мы не сможем повторить успех. Нельзя рисковать.

– Хорошо-хорошо, – Ло Луман примирительно поднял руки.

– Кто же знал, что убить дашисюна⁴ будет ошибкой. Он забрал секрет слияния ци с собой в могилу, – вздохнул Бао Ваньшан.

– Шисюн⁵ сошёл с ума от своих экспериментов и злоупотребления тёмными техниками. Даже если бы мы этого не сделали, он всё равно бы ничего нам не рассказал, – Ло Луман снова глотнул вина. – Хорошо хоть он не успел прикончить Гуй Умина.

Мужчина, сидящий напротив главы Ло, передёрнул плечами.

– И зачем ты дал ему такое имя!

– А что такого? – улыбнулся Ло Луман. – Оно ему подходит.

– Как там вторая жертва твоей идиотской фантазии? – Бао Ваньшан тоже потянулся к чаше с вином.

– Сэн Улянь очень талантлив. Мне повезло наткнуться на него.

– Он способен изучать тёмные техники?

– Определённо. За те два года, что он живёт в Хэйшуй, его уровень вырос в несколько раз. Его ци очень мощная. Они с Гуй Умином станут достойными преемниками.

---

² ## (jiānghú) – досл. реки и озёра, вольный мир, вольница, мир боевых искусств, живущий по своим законам.

³ Младший соученик (об учениках одного учителя).

⁴ Самый старший соученик, первый ученик учителя.

⁵ Для Ло Лумана он просто шисюн, так как сам Ло Луман второй по старшинству ученик. Бао Ваньшан – третий по старшинству, поэтому для него Ло Луман шисюн, а первый ученик – дашисюн.

Бао Ваньшан слегка улыбнулся:

– Когда начнём?

– Как только Гуй Умин полностью освоит свою ци. Сейчас делать что-то слишком рискованно, мы не знаем, как поведёт себя его энергия. Пусть овладеет ею, а заодно и освоит тёмные техники полностью.

– Полностью? – Бао Ваньшан поднял брови.

– Его сила настолько велика, что ни один меч не способен её выдержать. Даже Хэйшуй. Тёмные техники будто были созданы для него. Это его идеальное оружие.

***

– Шисюн, ты не поедешь на обучение в Хунфэн? – Сэн Улянь сидел рядом с Гуй Умином на отвесной скале позади южных павильонов школы.

Была ранняя зима, в небе кружились снежинки, понемногу устлая землю белым пушистым ковром. На мальчиках были надеты тёплые накидки, подбитые чёрным мехом. Гуй Умин смотрел вдаль – на расстилающийся внизу пропасти пожелтевший и поредевший лес.

– Нет, – из его рта вырвалось облачко пара.

– Но почему? Ты ведь победил, ты должен поехать и навалить этим выскочкам из Хунфэн как следует! – мальчик вскочил на ноги и, схватив с земли палку, сделал несколько выпадов, словно с мечом.

Гуй Умин улыбнулся:

– Я оставлю эту работу тебе.

– Но почему ты не можешь поехать? – Сэн Улянь снова уселся рядом.

– Так нужно. Нельзя, чтобы обо мне знали слишком много. Ты ведь знаешь, наша школа не совсем обычная. У нас много тайных тёмных техник, и мне с каждым днём всё сложнее использовать меч. Что я буду там делать с остальными мечниками?

– Но ты можешь биться с ними без меча! Ведь это не запрещено!

– Да, но мне всего тринадцать. Никто в таком возрасте не может владеть тёмными техниками. Если об этом узнают, может что-то случиться. Мы ведь не можем рисковать своим домом, верно?

Сэн Улянь вздохнул, но кивнул.

– Я очень хочу быть таким же, как ты, шисюн, – мальчик повертел в руках палку, которая минуту назад играла роль его меча, замахнулся и швырнул вниз со скалы. – Но у меня слишком мало сил.

– Это неправда, – Гуй Умин потрепал его по голове, а затем притянул к себе, закинув руку на плечи. – Ты очень сильный. Ты не можешь сравнивать меня с собой, ведь моя сила имеет другую природу. Ты родился с огромным талантом. Если будешь усердно заниматься, то унаследуешь Хэйшуй, один из сильнейших мечей в цзянху.

– Правда? – ореховые глаза Сэн Уляня округлились.

– Правда, – засмеялся юноша.

– А какой меч из четвёрки может сравниться с Хэйшуйем?

– Ты знаешь, как появился Хэйшуй?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Основатель нашей школы, великий мастер Хэ Юй, имел исключительный талант, но у него не было оружия. Ни один клинок не мог до конца резонировать с его внутренней силой. Она была слишком мощной и в бою становилась бесконтрольной, что могло навредить не только сопернику, но и самому мастеру. Он использовал свою ци как оружие и был непобедим. Но со временем Хэ Юй понял, что какими бы превосходными ни были тёмные техники, чем больше ты их постигаешь, чем сильнее погружаешься в глубины своей ци, тем больше они воздействуют на сознание. Ты ведь знаешь, что многие последователи нашего учения сходили с ума?

Сэн Улянъ медленно кивнул, продолжая заворожённо смотреть на юношу.

– Тогда мастер Хэ Юй понял, что без меча ему не обойтись. Потому что клинок, сливаясь со своим обладателем, берёт часть его энергии и становится проводником, позволяющим направлять ци. Но в то же время меч приводит поток ци к балансу. Поэтому меч важен для мечника. Мастер Хэ Юй отправился на Цзиньшунь, чтобы отыскать руду, которая смогла бы полностью резонировать с его силой. Он потратил на поиски несколько лет, но в конце концов нашёл то, что искал. Только вот он обнаружил не один вид руды, а два. И только вместе они могли полностью резонировать с его энергией. Тогда Хэ Юй решил сплавить обе руды и выковать из них меч. Но оказалось, что они между собой несовместимы. Одна руда позволяла давать выход энергии, а вторая – направлять её. Хэ Юй пришёл к единственному возможному решению – выковать два меча. Один – для выхода потока ци, второй – для управления атакой. Чтобы в бою оба клинка компенсировали друг друга. Так родилось два меча. Первый, из чёрной руды, получил имя Хэйшуй – «Тёмные воды», такие же глубокие и непостижимые, как внутренняя сила человека. Второй меч, из белой руды, получил имя Чунлай – «Начать с начала», потому что позволял управлять энергией, возвращая её в исходное состояние во время атаки.

Сэн Улянъ распахнул глаза и раскрыл рот.

– Но... но разве Чунлай – это не меч главы Вэя?! – ошарашенно проговорил он.

– Да, в итоге этот меч оказался в Хунфэн. Но он напрямую связан с Хэйшуйем. Они созданы в паре и имеют между собой неразрывную связь.

– Но как... Как можно было допустить, чтобы меч нашей школы оказался в Хунфэн?! – воскликнул мальчик. – Мы должны забрать его назад!

– У Хэ Юя было два ученика. Один пошёл по стопам своего учителя. Второй же решил, что тёмные техники не для него. Он начал разрабатывать собственную технику владения мечом, более совершенную, чем всё, что существовало на тот момент. Она имела мало общего с базовыми техниками Хэйшуй и строилась совсем на других принципах, хотя в чём-то всё же опиралась на учение Хэ Юя. Тот молодой мастер отдал должное учителю, который вырастил его, и школе, ставшей домом, дав своей новой технике название «Переменчивые воды».

– Чего?! – выпалил Сэн Улянъ. – Ты что, хочешь сказать, что основатель Хунфэн был учеником основателя Хэйшуй?!

– Так и есть, – Гуй Умин улыбнулся. – Второго ученика Хэ Юя звали Янь Цзечу. Когда он решил покинуть школу, чтобы найти собственный путь, Хэ Юй уже был стар, он отдал Чунлай ему, а Хэйшуй – своему первому ученику. Поэтому Хэйшуй остался в стенах нашей школы, а Чунлай оказался в Хунфэн.

– Но почему я раньше ничего не слышал об этом?! Я же изучал историю цзянху на занятиях! Честно, я внимательно слушал!

– Это история, которую давно не рассказывают на уроках даже в нашей школе. Не думаю, что нынешние ученики Хунфэн знают об этом. Да и какое сейчас имеют значение дела давно минувшего прошлого. Чунлай два столетия пылился где-то в павильонах Хунфэн, пока не попал в руки Си Вэня, и тот прославил его. К тому моменту никто уже не помнил, откуда пришёл этот меч. Янь Цзечу положил свою жизнь на основание Хунфэн, став почти затворником на горе красных клёнов. Для него не было целью показать свою силу, он желал использовать свои способности во благо будущих поколений. А потому вместо сражений предпочёл обучение учеников своей уникальной технике. Потому Чунлай остался не у дел.

– Чёртовы выскочки из Хунфэн! Так обращаться с великим мечом! Тогда тем более его надо забрать обратно! – воскликнул Сэн Улянъ.

– Глупый, – Гуй Умин потрепал его по макушке. – Зачем он тебе?

– Ну не знаю, – мальчик надулся и сложил руки на груди. – Это же несправедливо, разве нет?

– Такое решение принял основатель нашей школы, и не нам его оспаривать.

– И всё равно эти выскочки из Хунфэн меня бесят, – пробубнил Сэн Улянь.

Глава 67

Пять лет спустя Сэн Улянь отправился на состязание Небесного Меча уже не как зритель, а как участник. Правда с ним рядом не было Гуй Умина – тот в последние годы не появлялся в цзянху, за исключением одного случая, приведшего к стычке с мастером Кан Ливу. Глава Ло в этот раз тоже не поехал – вместо него отправился Бао Ваньшан. Состязания длились несколько дней, поэтому всем школам выделялись отдельные павильоны для проживания. Обычно великие школы организовывали где-то на одной территории. Сэн Улянь вместе с другими учениками Хэйшуй шёл за сопровождающим к павильону, когда услышал чей-то смех. Голос был мягким и лёгким, словно тёплый весенний ветер, игриво перебирающий бамбуковые ветряные колокольчики.

Между павильонами не было глухих каменных стен, но были зелёные изгороди, через которые вполне можно было рассмотреть происходящее на другой стороне. Сэн Улянь повернул голову на смех и сквозь переплетающиеся лозы увидел юношу в тёмно-красных одеждах. Он стоял у беседки, оперевшись спиной на деревянную колонну, его поза была довольно вальяжной и расслабленной. На вид парню было лет пятнадцать. Его волосы были небрежно собраны в хвост, деревянная заколка в виде кленового листа уже съехала на бок, но юношу это, казалось, вообще не заботило. Черты его лица были мягкими и довольно привлекательными, а в чуть прищуренных тёмных глазах читался намёк на лукавство. Сэн Улянь замедлил шаг, лицо этого парня казалось знакомым. В следующий момент юноша повернул голову и встретился глазами с Сэн Улянем. Улыбка на губах парня стала ещё более выразительной, он сделал приветственный жест и подмигнул.

Сэн Улянь тут же отвернулся и быстрыми шагами вошёл в павильон. Кем бы ни был этот парень, он был из Хунфэн, и как назло именно эта школа оказалась с ними по соседству. Сэн Улянь недовольно фыркнул.

– Ты чего, Лянь-сюн? – обратился к нему паренёк невысокого роста, с тонкими, словно ниточка, губами и глубоко посаженными глазами, это был Му Цяо.

– Не называй меня так, сколько раз просил! – злобно рыкнул Сэн Улянь.

– Ладно, прости, – парень примирительно поднял руки.

– В чём дело, Улянь? – Бао Ваньшан, получив расписание от сопровождающего, повернулся к ученикам.

– Ни в чём, – юноша плотно сжал губы и пошёл вглубь павильона, ища свою комнату.

Состязание Небесного Меча всегда проводилось в шестом месяце года. На момент его проведения Сэн Уляню было четырнадцать, пятнадцать ему должно было исполниться в одиннадцатом месяце, но после отборочных поединков его ожидаемо включили в старшую возрастную группу. Вечером все участники состязаний должны были собраться на общем приветственном ужине. Сэн Улянь задержался в павильоне, поэтому вышел позже остальных учеников Хэйшуй. Покинув территорию павильона, он направился в сторону приёмного зала, где проводился банкет, но не успел сделать и шага, как с зелёной изгороди кто-то спрыгнул, приземлившись за спиной. Сэн Улянь отреагировал мгновенно, выставив вперёд меч в ножнах.

– Эй-эй, полегче! – раздался возглас, за которым последовал уже знакомый мягкий смех.

– Ты, – глаза Сэн Уляня сощурились.

Перед ним стоял тот самый парень, которого он видел утром по приезде. Оказалось, этот юноша был немного ниже Сэн Уляня, да и его фигура была более утончённой. Широкоплечий Сэн Улянь казался куда более внушительным по сравнению с ним. Однако от этого парня даже в таком юном возрасте уже исходила величественная аура, говорящая о немалой боевой мощи.

– Я тебя помню, – улыбнулся юноша, отчего уголки его глаз немного изогнулись, а взгляд стал ещё более лукавым. – Ты ведь ученик главы Ло?

Сэн Улянью оценивающе окинул взглядом юношу, и вдруг его глаза замерли, уставившись на меч, который тот носил на поясе. На ножнах было выгравировано два иероглифа, складывающиеся в имя Чунлай. Сэн Улянью неосознанно сжал зубы, отчего мышцы его шеи напряглись, а выражение лица стало холодным.

– Ох! – Янь Лин деланно отшатнулся. – Ты меня почти напугал своим свирепым взглядом! Я же просто хотел поздороваться, потому что утром ты проигнорировал моё приветствие!

– А ты не думал, что если тебя проигнорировали, значит, не стоит лезть? – Сэн Улянью повернулся и направился к приёмному залу, но юноша в красном, несколько не смутившись, пошёл вместе с ним.

– Я Янь Лин, кстати. А ты?..

Сэн Улянью притворился, что не слышал его, однако Янь Лин лишь рассмеялся:

– О, это не так сложно угадать! Если ты ученик главы Ло, то можешь быть только Сэн Улянью.

– И зачем в таком случае ты спрашиваешь очевидные вещи? – не выдержав, огрызнулся Сэн Улянью.

– Ну... из вежливости? – пожал плечами Янь Лин. – В какой ты возрастной группе?

– В старшей.

– Значит, мы непременно сойдёмся в поединке!

Если на поясе Янь Лина висел Чунлай, значит, ему уже исполнилось пятнадцать. Нетрудно было предположить, что эти двое так или иначе действительно встретятся, чтобы сразиться. В своём поколении они были довольно сильны, а потому вероятность их противостояния была крайне высокой. Да и если честно, Сэн Улянью очень рассчитывал на это. Ещё со времён боя Гуй Умина у него руки чесались сразиться с кем-нибудь из Хунфэн. Но почему это должен быть именно этот раздражающий парень?! Янь Лин, заметив реакцию Сэн Улянью, улыбнулся и как бы невзначай сказал:

– Тебе, кажется, нравится мой меч?

Сэн Улянью вдруг остановился, резко развернулся и угрожающе навис над Янь Лином. Его лицо выглядело холодным и ожесточённым, но вот глаза... Эти глаза тёплого орехового цвета никак не выражали озлобленности своего владельца. Какие бы эмоции ни испытывал Сэн Улянью, они всегда казались обманчиво мягкими. Янь Лин застыл, уставившись в них, не в силах оторваться от этого чарующего контраста между жестокостью черт и мягкостью взгляда.

– Ты даже не знаешь историю этого меча, – сквозь зубы сказал Сэн Улянью. – Очередной выскочка с горы красных клёнов.

Парень отстранился и, не оборачиваясь, пошёл вперёд. Янь Лин провожал взглядом спину Сэн Улянью. Его бровь чуть приподнялась, а на губах заиграла многозначительная улыбка.

Приветственный банкет был просто формальностью. Янь Лин со скучающим видом шарил глазами по залу, не слушая занудные речи Председателя Великого Совета. Перед ним было выставлено несколько простых блюд и чаша с вином. Янь Лин потягивал напиток маленькими глотками. Вино на самом деле было довольно хорошее, жаль только, что больше одной чарки ученикам не полагалось.

Янь Лин удручённо вздохнул. Видимо, этот скучный приветственный банкет затянется ещё на час. Глава Хунфэн и учитель Янь Лина Вэй Юань в этот раз не приехал на состязание Небесного Меча. Здоровье главы в последнее время ухудшилось, поэтому в качестве сопровождающего прибыл его первый ученик – Чжоу Сяньцзянь. Ему было двадцать четыре года, но он уже на протяжении двух лет являлся великим мастером, самым молодым во всём цзянху.

Чжоу Сяньцзянь сидел во главе стола учеников Хунфэн. Его осанка была безупречно ровной, лицо безмятежным, но сосредоточенным, кажется, он внимательно слушал слова Председателя, сохраняя изящный и благородный вид. Янь Лин всегда восхищался этой способностью

своего дашиюна оставаться таким невозмутимым в любой ситуации. Со стороны могло показаться, что Чжоу Сяньцзянь – человек, с которым очень легко иметь дело. Он всегда был спокоен, а каждое его движение выглядело размеренным и безупречным. На лице первого ученика главы Вэя редко можно было увидеть что-то, кроме сдержанной, вежливой полуулыбки. Но Янь Лин очень хорошо знал, насколько смертоносная сила кроется за этим изящным обликом.

Чжоу Сяньцзянь мог в одночасье снести голову практически любому в этом зале, обнажив свой меч всего на цунь и сохранив при этом всё то же безмятежное лицо. Звание великого мастера не даётся просто так, а тем более в таком возрасте. Чтобы получить его, нужно обладать исключительными способностями. И каждый в цзянху знал, что недооценивать первого ученика главы Вэя – самая глупая ошибка, которую можно совершить. Ни один из тех, кому доводилось видеть меч Чжоу Сяньцзяня, никогда не выходил из поединка победителем. Этот клинок, носящий имя Лимин⁶, был неизбежен, как и рассвет, который обязательно наступит утром: от него никому не уйти.

Но Янь Лин, будучи натурой весьма ветреной и, прямо сказать, избалованной, частенько позволял себе вольности, не боясь навлечь гнев своих шисюнов. Являясь младшим учеником Вэй Юаня и имея большую разницу в возрасте с Чжоу Сяньцзянем и Мо Байхэ, он катался как сыр в масле, прекрасно пользуясь своим положением. Хоть его и наказывали за провинности, но всё-таки Янь Лин всегда был слабым местом для всех троих. Они просто не могли злиться на него слишком долго. Вэй Юань с возрастом стал сентиментален и уже подрастерял былую жёсткость, а Чжоу Сяньцзянь и Мо Байхэ буквально вырастили этого засранца, и для них он по-прежнему оставался тем же маленьким мальчиком, которого так хотелось защитить и окружить заботой.

Так уж выходило, что Янь Лин был единственным в этом приёмном зале, кто не замирал под взглядом Чжоу Сяньцзяня, поэтому, быстренько оглядевшись по сторонам, он решил, что пора бы развлечься чем-нибудь действительно интересным. И пока Чжоу Сяньцзянь не обращал на него внимания или делал вид, что не обращает, юноша потихоньку поднялся с места и выскользнул из зала.

На улице уже наступила ночь. Тёплый ветер касался лица и играл в волосах, принося откуда-то с полей запахи луговых трав. Янь Лин закрыл глаза, делая глубокий вдох, а затем на его лице появилась улыбка. Он обошёл зал, в один прыжок взобрался на крышу и бесшумно, словно кошка, двинулся к ярко освещённому помещению, из окон которого вырывались клубы пара. Там была кухня. Повара суетились, нарезаая ингредиенты и помешивая кипящий бульон, а слуги сновали туда-сюда, относя угощения в приёмный зал и возвращаясь назад с грязной посудой.

В задней части кухни была кладовая, из которой слуги периодически выносили кувшины с вином, чтобы подать гостям. В глазах Янь Лина вспыхнул зловецкий огонёк. Через мгновение тень мелькнула над крышей кухни и скрылась в окне кладовой. В это время слуга как раз снял с полки третий кувшин, поставил его на стол и отвернулся, чтобы взять четвёртый. Когда он снова повернулся, то с удивлением обнаружил на столе только два кувшина. Слуга замер, посмотрел на полку и снова на стол, затем почесал в затылке и тряхнул головой, подумав, что, кажется, слишком устал.

Янь Лин тем временем уже развалился на крыше одного из павильонов, а в его руке был глиняный кувшин с вином. Юноша посмеялся и, подложив руку под голову, уставился в бескрайнее ночное небо, усеянное мерцающими звёздами. Из приёмного зала доносился отдалённый шум голосов, в траве стрекотали насекомые, а Янь Лин тихонько мурлыкал себе под нос какую-то мелодию, периодически прикладываясь к кувшину.

---

⁶ ## (lí míng) – рассвет.

Когда внизу послышались чьи-то шаги, парень приподнялся на локте, выглядывая из-за ската крыши. Со стороны приёмного зала шёл человек, он замедлил шаг, пока совсем не остановился, затем как-то удручённо вздохнул и откинулся спиной на стену павильона. Янь Лин разглядел, что на нём были чёрно-фиолетовые одежды учеников клана Бэй.

– Эй! – позвал Янь Лин и свистнул.

Парень вздрогнул от неожиданности, резко подняв голову. Из-за крыши выглядывало улыбающееся лицо, а затем показалась рука, которая изобразила подзывающий жест. Парень застыл на секунду, открыв рот, затем обернулся по сторонам, почесал в затылке и всё-таки вскочил на крышу. Янь Лин полулежал на скате, подогнув одну ногу и закинув на колено руку, в которой держал кувшин.

– Тоже сбежал? – спросил он у парня, указав подбородком на крышу рядом с собой и призывая того присесть. Парень снова обернулся, будто не решаясь присоединиться, нервно потёр ладони о свою одежду, но сел.

– Будешь? – Янь Лин протянул ему кувшин.

Брови парня удивлённо поднялись:

– Это вино? Где ты его взял?

– Стащил на кухне, – беспечно ответил Янь Лин, пожав плечами.

Глаза парня округлились, он посмотрел на кувшин, потом на Янь Лина и снова на кувшин.

– Ты или бесстрашный, или идиот, – констатировал парень, но всё-таки принял кувшин и сделал глоток.

Янь Лин рассмеялся, откидываясь на спину и заложив руки за голову:

– Будем считать, что я бесстрашный идиот.

Парень усмехнулся. У него была белая кожа и льдистые голубые глаза, а значит, он был не просто учеником северного клана, а прямым потомком семьи Бэй. Он вернул кувшин обратно.

– Я Бэй Шэ.

– А я Янь Лин.

– Ты не боишься, что тебя накажут, если поймают? – спросил Бэй Шэ.

– Для этого меня нужно поймать!

– Ты ведь из Хунфэн, и с вами Чжоу Сяньцянь...

– Ну не убьёт же он меня в самом деле, – усмехнулся Янь Лин.

Бэй Шэ приподнял бровь. Мало кто мог так беспечно отзываться о Чжоу Сяньцяне, и тем более удивительно было слышать подобное от ученика. Бэй Шэ подумал, что этот парень, кажется, и впрямь бесстрашный идиот, но потом посмотрел на его меч. И глаза Бэй Шэ полезли на лоб:

– Ты... ты ученик Вэй Юаня?!

– Ага, – кивнул Янь Лин.

Бэй Шэ открыл было рот, но даже не знал, что тут сказать. Слава Чжоу Сяньцяня опережала сама себя, а от неё не отставала молва о Мо Байхэ. Талантливые, благородные, честные и достойные ученики Вэй Юаня – настоящее сокровище Хунфэн в нынешнем поколении. И вот этот развязный парень, беспечно попивающий краденое вино на крыше, вообще как-то не вязался с образами своих шисюнов! Янь Лин, заметив его замешательство, улыбнулся:

– Удивлён?

– Вообще да...

– А ты из главной семьи Бэй, я полагаю?

– Верно, – на лице парня отразилась кривая улыбка.

– Тебя это, кажется, не сильно радует?

– В нашем клане слишком много правил, а если ты родился с фамилией Бэй, твоя судьба уже расписана с самого рождения.

- И что предписано тебе?
- Стать правой рукой брата.
- Брата? – Янь Лин приподнялся. – Ты брат главы клана?!
- Да, – вздохнул Бэй Шэ.
- Сколько тебе лет? – удивлённо спросил Янь Лин.

– Шестнадцать. У меня с братом большая разница в возрасте, если ты об этом. Его старший сын всего на четыре года младше меня. Когда брат принял обязанности главы десять лет назад, мне было шесть. Наш отец предложил, чтобы его правой рукой стал двоюродный брат, так как я был слишком мал, но Бэй Лун наотрез отказался, мол, правила есть правила, и это должен быть я.

– Ты не хочешь?

– Хочу я или нет – никого не волнует. У меня нет выбора. Я должен быть тем, кем я рождён.

– Уныло, – Янь Лин протяжно выдохнул и снова улёгся на крышу.

– Так и есть, – юноша сделал глоток вина.

Оба на время замолчали.

– Вы на севере часто пересекаетесь с Хэйшуй? – вдруг спросил Янь Лин.

– Да не особо, – Бэй Шэ пожал плечами. – Только если отправляемся в Чанъань по делам.

Вотчина Хэйшуй – Гуаньнэй, а наша – Хэбэй.

– Знаешь второго ученика главы Ло?

– Сэн Уляня? Лично не знаком, но слышал, что он довольно способный.

– И забавный.

– Что?

– Забавный он, говорю. Хочу с ним поиграть.

Бэй Шэ приподнял бровь, взглянув на Янь Лина, и подумал, что на сегодня этому парню вина достаточно.

Глава 68

– Он обошёл меня всего на полхода, – Сэн Улянь с силой пнул лежащий на земле камень. – Всего полхода! Преимущество, которое он получил только потому, что в его руках был Чунлай! Чёртов Янь Лин, почему глава Вэй отдал меч именно ему и именно перед состязанием Небесного Меча! Если бы у меня был Хэйшуй, я бы не проиграл!

– Ты придаёшь слишком большое значение детским забавам. Это всего лишь соревнование. Оно ничего не значит.

– Умин, как ты можешь так просто относиться ко всему? Это же чёртово цзянху, здесь кто сильнее, тот и прав. И снова эти выскочки из Хунфэн оказались на вершине, а мы вернулись в свои северные горы, как побитые собаки!

– Не преувеличивай, – Гуй Умин засмеялся.

Его длинные чёрные волосы были собраны в высокий хвост, а руки заложены за спину. Гуй Умин всё ещё был выше Сэн Уляня на полголовы. Его черты лица стали немного резкими, но оставались элегантными. Бледная кожа казалась почти белой на фоне чёрных одежд, а взгляд глубоких тёмных глаз пронзал насквозь. Гуй Умину было восемнадцать. Он уже перерос юношескую мягкость, приобретя уверенные мужские черты с толикой благородного изящества, и разительно отличался от того едва ли повзрослевшего мальчика, который в тринадцать лет сражался на равных с Мо Байхэ.

– Учитель и шишу⁷ завершили подготовку. Всё, что осталось от шибо⁸, мы собрали и систематизировали. Мы почти готовы начинать. Если всё получится, мы шагнём далеко вперёд. Просто подожди немного.

Сэн Улянь напрягся, но затем медленно выдохнул, беря свои эмоции под контроль.

– Умин, мне не нравится это. Разве ты сам не прошёл через чудовищные страдания? Неужели ты хочешь обречь на это и других?

– Я знаю, – Гуй Умин протянул руку и потрепал его по макушке. – Но подумай о том, что все те, кто попадут сюда, и так обречены умереть. Каждый из этих детей стоит на пороге смерти. Если мы можем подарить им крошечный шанс на жизнь, разве это не лучше, чем просто дать погибнуть? Я ещё не до конца разобрался с техниками воздействия на ци. Мне нужно освоить их, прежде чем мы начнём. А ты отправляйся на обучение. Навалёй уже, наконец, выскочкам из Хунфэн, – Гуй Умин улыбнулся. – Янь Лин тоже там будет?

– Наверняка, – фыркнул Сэн Улянь.

– В одиннадцатом месяце тебе исполнится пятнадцать. Учитель отдаст тебе Хэйшуй. Так что, если проиграешь Янь Лину ответный поединок, оправдываться тебе будет больше нечем, – Гуй Умин легонько щёлкнул парня по кончику носа.

– Да ну тебя, – Сэн Улянь отмахнулся от него и потёр нос. – Я ему больше не проиграю.

Для обучения учеников была выбрана школа Тяньхэ. На протяжении недели в обычно тихих и спокойных горах хребта Циньлин наблюдалось небывалое оживление. Ученики со всех уголков страны стекались в школу, создавая непривычный для местных ажиотаж. На территории Тяньхэ тоже стало очень шумно. Сама по себе эта школа была меньше других, но располагалась на горном хребте, поэтому была разбросана по нескольким пикам, между которыми тянулись причудливые подвесные мосты.

На первый взгляд они казались лёгкими и ненадёжными, но стоило лишь ступить на них – и создавалось ощущение, что идёшь по твёрдой земле. Эти мосты были созданы из особых материалов – верёвки сплетались из прочных нитей паучьего шёлка, а доски изготавливались

---

⁷ Младший соученик (шиди) учителя, «младший дядюшка».

⁸ Старший соученик (шисюн) учителя, «старший дядюшка».

из белой древесины и покрывались особым составом, который сохранял их в первозданном виде, несмотря на дожди, ветра и солнце. Издали казалось, что эти подвесные мосты парят в воздухе, не имея опоры. А люди, перемещаясь по ним, словно плыли по небесной реке. Такая картина вполне соотносилась с самим названием школы⁹.

Ученики Хэйшуй прибыли в Тяньхэ одними из первых, так как территориально находились ближе всех. Великие школы, как правило, привозили больше учеников, чем другие, поэтому их традиционно селили отдельно – в более просторных павильонах. У Тяньхэ были два рядом расположенных пика, соединённых подвесных мостами, на которых находилось по два павильона с обустроенными для проживания комнатами. Таким образом, выходило, что четыре великие школы займут два этих пика. Сэн Улянь, прибыв на место, взмолился лишь об одном – чтобы на их пике оказались не ученики Хунфэн.

Но явно боги были глухи к его молитвам, потому что через два дня возле соседнего павильона показалась группа в тёмно-красных одеждах. Два строения разделяла каменная стена выше человеческого роста, но Сэн Улянь в этот момент лежал на крыше павильона, наслаждаясь лучами весеннего солнца, поэтому прекрасно видел приближающихся людей. Его губы плотно сжались, а настроение тут же испортилось. Он встал, спрыгнул вниз и широкими шагами направился в свою комнату.

Пока прибывали ученики, пересекаться с кем-либо не было необходимости, и Сэн Улянь с успехом этим пользовался, но вот настал день приветственного банкета. Длинные столы были установлены на территории центрального пика школы, где находились основные учебные павильоны, приёмный зал, обеденный зал и другие строения. Вечером здесь повсюду были развешаны белые фонарики, делая атмосферу торжественной. Множество голосов гудели подобно рою пчёл.

Стол пяти великих школ находились рядом друг с другом – прямо перед помостом, который занимала глава Тяньхэ – Сюань Чжэ. Ученики Хэйшуй заняли своё место – крайний справа стол, рядом с ними был стол Фуюнь, затем Тяньхэ посередине, далее Хуоху и Хунфэн. Выходило, что Хэйшуй и Хунфэн оказались на противоположных концах зала. Сэн Улянь взглянул в ту сторону, обегая глазами толпу, и тут же наткнулся на встречный взгляд – Янь Лин игриво приподнял бровь, улыбнулся и, изящно вскинув руку, помахал ему. Сэн Улянь едва не задохнулся от такого наглого поведения, он быстро отвел глаза в сторону и поклонился, что больше за весь вечер ни разу не взглянет в сторону стола Хунфэн.

Когда все гости расселись по местам, появилась и сама глава Тяньхэ. В белых одеждах, с длинными струящимися по спине чёрными волосами, украшенными заколкой из белого нефрита, она словно излучала божественное сияние. На вид этой женщине едва ли можно было дать больше тридцати лет. Она обладала мягкими и тонкими чертами лица и, безусловно, могла считаться одной из самых красивых женщин в цзянху. При этом исходящая от неё аура величия заставляла благоговеть всех вокруг. Сюань Чжэ редко появлялась в цзянху, поэтому видеть её вот так воочию доводилось далеко не каждому. Тем, кто в этот раз приехал на обучение в Тяньхэ, однозначно повезло, ведь такая возможность может больше никогда и не представиться.

Мягкий переливчатый голос главы Сюань разлился по залу, когда она начала свою приветственную речь. Все присутствующие, казалось, затаили дыхание, не смея даже пошевелиться, и во все глаза уставились на женщину. Янь Лин же, подперев рукой подбородок, смотрел не на помост главы, а на находящийся на противоположной стороне зала стол. Вернее на одного ученика, сидящего за этим столом. Они не виделись почти год, и за это время оба заметно подросли и изменились.

⁹ Тяньхэ кит. ## (tiānhé) – небесная река.

Черты лица Сэн Уляня немного заострились, телосложение стало крепче, а рост – ещё выше. Несмотря на то, что ему было только пятнадцать, он уже больше походил на молодого мужчину, чем на юного парня. Сэн Улянь слушал речь главы Сюань, обратив свой взгляд на неё, поэтому Янь Лин видел только его красиво очерченный профиль, но с такого угла особенно выделялись длинные чёрные ресницы, которые то и дело мягко порхали вниз и вверх при каждом движении век.

Янь Лин следил за ними, как замороженный, и даже не заметил, когда официальная приветственная часть банкета подошла к концу и началась неформальная. Все расслабились, повернулись кто куда, вокруг снова загудели разговоры, зазвенели чашки и разнёсся стук палочек – все приступили к праздничному ужину.

– Эй, – один из учеников Хунфэн ткнул Янь Лина в бок, – ты чего застыл?

Янь Лин встрепенулся, словно очнувшись, и наконец оторвал взгляд от Сэн Уляня. Через некоторое время ученики начали кочевать от одного стола к другому, приветствуя знакомых. Янь Лин к тому моменту уже оказался за столом клана Бэй и беззаботно потягивал вино, разговаривая с Бэй Шэ.

– Говорят, в этом году на обучении будет особый учитель по скрытым техникам убийства, – сказал Бэй Шэ.

– Кто?

– Один из заместителей командира Цилянь.

Взгляд Янь Лина тут же сделался заинтересованным:

– Насколько я знаю, знатоком скрытых техник считается великий мастер Дун, и он как раз заместитель командира Цилянь?

– Точно, – кивнул Бэй Шэ. – А ещё он выходец из Тяньхэ, так что это наверняка будет он.

– Это обучение становится всё увлекательнее, – улыбнулся Янь Лин.

На приветственном банкете вино лилось рекой, и даже мастера смотрели на своих учеников сквозь пальцы, позволяя им отвести душу. Всё равно они бы наладились тайком, все это понимали, поэтому решили просто махнуть рукой. Такое попустительство для Янь Лина звучало как призыв к действию, поэтому он совершенно не стеснялся опрокидывать чарку за чаркой и к полуночи был уже навеселе. Вино не особо сильно действовало на него, всё-таки с таким уровнем ци опьянеть было проблематично, но всё же его взгляд казался немного затуманенным. Он заприметил знакомую фигуру, выходящую из зала, улыбнулся и поднялся с места.

В павильоне было душно, поэтому Сэн Улянь решил пройтись и немного освежиться. На улице стояла весна, а ветер по ночам всё ещё оставался прохладным. Юноша отошёл подальше от шумного зала и поднял голову – яркая полная луна заливала весь пик холодным светом. Мосты мерцали в лунном сиянии, отчего пейзаж вокруг казался иллюзорным, будто древние легенды о небесных чертогах воплотились в жизнь. Позади раздался шаг, Сэн Улянь обернулся.

– Ты даже не поздоровался со мной! – нарочито обиженным голосом сказал Янь Лин. Его походка была нетвёрдой, он остановился рядом с Сэн Улянем, рукава их одежд соприкоснулись. Сэн Улянь тут же отодвинулся в сторону.

– И почему я должен здороваться с тобой? Мы не друзья и даже не приятели.

– А кто мы тогда? – губы Янь Лина изогнулись в улыбке, он чуть наклонился к Сэн Уляню, заглядывая ему в глаза. – Соперники? Враги? Просто знакомые?

– Никто, – юноша отвернулся.

– Ну почему ты такой вредный, Улянь, – Янь Лин шагнул вперёд, но покачнулся, Сэн Улянь отреагировал инстинктивно, подхватив его под локоть, но тут же разжал пальцы и отдернул руку, словно коснулся раскалённого железа.

На лице Янь Лина расплзлась хитрая улыбка, он намеренно подошёл ещё ближе и вздохнул.

– Кажется, я слегка перебрал вина.

Сэн Улянь никак не отреагировал. Он решил вернуться в зал, раз уж его прогулку так грубо прервали. Юноша повернулся, чтобы уйти, но его резко ухватили за рукав и потянули так, что халат частично сполз с плеча.

– Ты что вытворяешь! – яростно крикнул Сэн Улянь, оборачиваясь и вырывая руку, но тут же встретился с помутневшим взглядом Янь Лина – кажется, тот действительно был пьян. Сэн Улянь протяжно выдохнул, высвобождая свой рукав из хватки, но противник вовсе не намерен был отступить, поэтому просто повис на его руке, низко опустив голову.

– Наверное, мне стоит вернуться в павильон Хунфэн, – с усмешкой сказал Янь Лин.

– Хоть одна здравая мысль из твоего рта, – сквозь зубы выдавил Сэн Улянь. – А теперь отцепись от меня и иди спать.

– Но, Улянь, – Янь Лин поднял взгляд, – неужели ты позволишь мне в таком состоянии ходить по этим жутким подвесным мостам?!

– Почему меня должно это волновать? Попроси кого-нибудь проводить тебя. И отцепись уже, – юноша попытался стряхнуть пальцы, схватившие его руку.

– Но тут никого нет! – невозмутимо ответил Янь Лин.

– Значит, вернись в приёмный зал!

– Но я хочу спать.

– Значит спи здесь!

– Улянь, – Янь Лин чуть приподнялся на носках, нагло положил подбородок на плечо Сэн Уляня и медленно проговорил: – Если я буду спать тут, я простужусь, заболею, потом умру, и мой призрак будет вечно преследовать тебя.

Сэй Улянь беспомощно накрыл лицо ладонью:

– Что за бред ты несёшь...

– Ты ж не можешь бросить меня тут, правда? И уж точно не позволишь в таком состоянии ходить по подвесным мостам, – подбородок Янь Лина всё ещё лежал на плече Сэн Уляня, поэтому горячее дыхание касалось его шеи и уха, вызывая мурашки.

– Ладно! Отцепись от меня только! – Сэн Улянь отпихнул Янь Лина, но тот не разжал пальцы, продолжая висеть на юноше, пока они спускались к мосту, ведущему на пик.

– Иди сам!

– Не могу! Мне страшно, эти мосты такие жуткие... – Янь Лин сильнее прижался к Сэн Уляню.

– Ещё немного и я сам столкну тебя отсюда.

– Не будь таким суровым, Улянь! И почему ты вечно такой недовольный?

– Потому что вижу твоё лицо.

– Я вызываю у тебя такие эмоции? Но что я сделал?! Тот поединок был честным, ты не можешь винить меня за то, что я выиграл!

Сэн Улянь и сам понимал, что это глупо, ведь Янь Лин действительно победил честно, парень просто не мог смириться. Если бы на месте Янь Лина был ученик любой другой школы, Сэн Улянь не придал бы этому значения, но он проиграл ученику Хунфэн, да не просто ученику, а владельцу Чунлая – будто в насмешку. Поэтому казалось, что цель, которой он задался ещё в детстве, так и не была достигнута. Хэйшуй так и не удалось превзойти гору красных клёнов, и это вызывало в юноше глубокое чувство досады и несправедливости. Это было так по-детски, но Сэн Улянь ничего не мог с собой поделать. В Янь Лине он видел лишь ненавистного соперника. И теперь этот соперник висел на его руке, отказываясь идти самостоятельно. Как вообще до этого дошло?!

Сэн Уляня окутал исходящий от Янь Лина лёгкий сандаловый аромат, смешанный с запахом вина. Сейчас этот парень казался таким беззащитным и разительно отличался от того, каким предстал на арене в прошлом году. Несмотря на ветреный характер, во время поединка

Янь Лин словно превращался в другого человека. Он вёл себя расслабленно, но казалось, от его взгляда не ускользало ни одно движение, ни одна деталь. Его стиль боя был безупречным, и Сэн Улянью не мог не признавать этого. Янь Лин определённо был из тех, кем восхищаются.

Преодолев подвесной мост, они оказались на пике, где располагались павильоны Хунфэн и Хэйшуй. Янь Лин вдруг остановился, отчего Сэн Улянью тоже пришлось встать, он обернулся:

– Ну чего ещё?

– Здесь красиво, правда?

С пика открывался действительно прекрасный вид на горный пейзаж. Холодный лунный свет заливал всё вокруг, позволяя видеть на многие ли впереди.

– На севере так же красиво? – спросил Янь Лин.

Сэн Улянью опешил на мгновение, затем перевёл взгляд на горы и через какое-то время сказал:

– Не так, по-другому.

– Покажешь мне как-нибудь?

Сэн Улянью встряхнул головой и потащил Янь Лина верёд:

– Хватит нести чушь, пошли уже.

Перед воротами павильона Хунфэн Сэн Улянью наконец отцепил от себя Янь Лина.

– Дальше дойдёшь сам, – юноша развернулся и быстрым шагом направился прочь, пока этот надоедливый тип не придумал ещё какую-нибудь глупость.

Янь Лин стоял, прислонившись спиной к деревянным воротам, и провожал взглядом удаляющуюся фигуру Сэн Уляня. Когда тот скрылся из поля зрения, Янь Лин вздохнул, затем лениво потянулся, размял шею и легко перепрыгнул через стену, окружавшую павильон – каждый его шаг был точным и твёрдым.

Глава 69

На следующий день официально началось обучение. В обеденном зале с утра царил мрачная атмосфера – старшие ученики, получившие накануне практически неограниченный доступ к вину, были похожи на восставших из мёртвых. Даже поначалу весело щебетавшие младшие, поймав на себе пару убийственных взглядов, затихли. Сэн Улянь почти не пил вино вечером, поэтому был свеж и бодр. Он сидел за дальним столом вместе с другими учениками Хэйшуй, когда почувствовал, как кто-то подошёл сзади. В следующий момент элегантная рука легла на плечо сидевшего рядом с Сэн Улянем Му Цяо, а мягкий голос, в котором слышался намёк на улыбку, проговорил:

– Братишка, не подвинешься?

Не ожидавший этого Му Цяо вздрогнул и резко обернулся. На его лице застыло потрясение и замешательство, а рот так и остался приоткрытым. Какое-то время он просто пялился на стоявшего позади молодого человека, а затем медленно подошел, всё ещё не сводя взгляда с незваного гостя.

Сэн Улянь же, напротив, уткнулся в свою тарелку, делая вид, что не заметил, как справа от него уселся кое-кто в тёмно-красных одеждах. Янь Лин поставил поднос с едой облокотился на стол и изящно подпер рукой голову, уставившись на Сэн Уляня. Сидящие вокруг ученики Хэйшуй непонимающе переглянулись и затаили дыхание.

– Доброе утро, – с улыбкой сказал Янь Лин. Вид у него был цветущий, словно это не он вчера не мог самостоятельно дойти до павильона.

Ученики Хэйшуй посмотрели на Сэн Уляня. Он поднял на них тяжёлый взгляд, и те, встрепнувшись, начали усиленно работать палочками.

– Спасибо за вчера, ты мне очень помог, – продолжил Янь Лин.

Ученики Хэйшуй замедлись, перекладывая еду из тарелки в тарелку. Даже те, кто уже поел, скрупулёзно выбирали последние рисинки.

– Даже не знаю, что бы я без тебя делал...

Ученики Хэйшуй старательно разглядывали чайники в своих чашках.

– Ты никогда не бросишь в беде...

Сэн Улянь со стуком положил палочки, встал, убрал за собой тарелки и покинул обеденный зал.

– Эх, жаль, – Янь Лин проводил его взглядом, а затем с непринуждённым видом принялся за еду, даже и не думая пересаживаться.

Ученики Хэйшуй переглянулись, задаваясь одним и тем же вопросом: «Что происходит?!».

Эта сцена повторялась изо дня в день на протяжении почти двух недель. Дошло до того, что Му Цяо, скрепя зубами, перестал садиться рядом с Сэн Улянем, оставляя справа от него свободное место, которое неизменно занимал Янь Лин. Ученики Хэйшуй настолько привыкли к его присутствию, что стали утром брать порцию для него, если он задерживался. Потому что в противном случае этот парень таскал что-нибудь вкусное из тарелки Сэн Уляня, и тот потом весь день ходил такой угрюмый, что рядом с ним даже вздохнуть было страшно. Никто не понимал, почему Янь Лин это делает, но, честно говоря, им не хотелось, чтобы это прекращалось, потому что никто не из них не посмел бы вытворять что-то подобное и злить Сэн Уляня. Янь Лин был словно бесстрашный герой, засовывающий голову в пасть тигра.

После очередного такого завтрака Янь Лин вместе с Бэй Шэ отправился на утренние занятия. На днях в школу прибыл тот самый заместитель командира Цилян – великий мастер Дун Синь. И сегодня он должен был провести первый урок по скрытым техникам убийства.

Эти занятия проводились только для старших учеников, и теперь они потихоньку стягивались в учебную комнату.

Внутри рядами стояли низкие столы, рядом с которыми лежали подушки. Ученики рассаживались по местам, продолжая болтать друг с другом, так как учитель ещё не пришёл. Зайдя в павильон, Янь Лин обежал взглядом присутствующих и тут же нашёл того, кого искал.

– Идём, – сказал он Бэй Шэ и бодрыми шагами направился к столу, стоящему у окна.

Там сидел Сэн Улянь. Бэй Шэ уже две недели следил за этим спектаклем, и сейчас, идя вслед за Янь Лином, привычным движением достал из кармана орешки, приготовившись лицезреть очередное представление. В это же время через вторые двери в учебную комнату вошёл Му Цяо с двумя другими учениками Хэйшуй. Он собирался занять место рядом с Сэн Улянем, но когда оставался всего шаг до цели, перед ним внезапно возникла изящная фигура в тёмно-красных одеждах, принеся с собой лёгкий сандаловый аромат. Вернее спина этой изящной фигуры. Янь Лин, даже не заметив Му Цяо, быстро опустился на то место, которое приметил юноша, и, элегантно подперев подбородок рукой, улыбнулся, повернувшись к Сэн Уляню.

Му Цяо сжал свои и без того тонкие губы, которые теперь вовсе превратились в ниточку, но не в силах ничего изменить, беспомощно опустился за стол позади Сэн Уляня. Он предпринял последнюю попытку вырвать своего драгоценного соученика из лап этого коварного змея с горы красных клёнов:

– Лянь-сюн, сядешь с нами?

Сэн Улянь бросил на него резкий взгляд и сквозь зубы прошипел:

– Не называй меня так, – а затем отвернулся.

– Прости, – пискнул Му Цяо, не решаясь больше его тревожить.

Янь Лин же, напротив, увидел прекрасную возможность потревожить объект своих бесконечных посягательств. Его улыбка стала ещё шире, он чуть подался вперёд и, заглядывая в лицо Сэн Уляня, вкрадчиво заговорил:

– Почему тебя нельзя так называть?

– Что тебе не нравится?

– Это запретное слово?

– Мне тоже нельзя?

– Что если я тебя так назову?

– Лянь-сюн?

– Ля-я-янь-сю-ю-ю-юн...

Глаза Сэн Уляня закатились так, что он наверняка увидел собственный затылок. Бэй Шэ застыл, не донеся орешек до рта, в ожидании развития ситуации. Янь Лин слегка коснулся кончиками пальцев своих губ и прищурил глаза.

– Лянь-сюн? – почти прошептал он.

Раздался хруст – по столешнице расплзлась трещина, а Сэн Улянь поспешно разжал руку, которой схватился за край стола.

– Тц-тц-тц, Лянь-сюн, нельзя же так обращаться с имуществом Тяньхэ! – покачал головой Янь Лин.

Сэн Улянь скрипнул зубами, впившись глазами в юношу. В этом взгляде отчётливо читалось убийственной намерение, даже атмосфера вокруг резко стала напряжённой и гнетущей, все присутствующие почувствовали опасный всплеск ци и замерли, повернувшись в сторону двух молодых людей. Казалось, ещё секунда, и Сэн Улянь выхватит свой меч, однако в этот момент дверь распахнулась – в комнату вошёл мужчина в синих с золотом одеждах. Он остановился на пороге, взглянув на Сэн Уляня и Янь Лина.

– Тренировки с мечом во второй половине дня, – голос мужчины был приятным, почти мелодичным, однако звучал холодно и твёрдо. Он прошёл в центр комнаты, заняв место учителя, и окинул взглядом зал. Казалось, он больше не собирался обращать внимание на повздо-

рившую парочку. Сэн Улянъ выдохнул, расслабляя мышцы, и сел ровно, сосредоточив взгляд на мастере. Янь Лин улыбнулся и тоже принял подобающую позу.

– Я заместитель командира отряда Цилянъ, великий мастер Дун Синь. Можете звать меня мастер Дун или заместитель командира Дун. Я не учитель и не стоит так ко мне обращаться. В течение трёх недель я буду обучать вас распознаванию скрытых техник убийства.

Голос Дун Синя казался совершенно лишённым каких-либо эмоций. Этот мастер был довольно красивым мужчиной, его фигура выглядела утончённой даже в стандартных одеждах отряда Цилянъ. Все движения были плавными и изящными, присущими выходцам из Тяньхэ. Однако бесстрастное лицо совершенно не подходило этому возвышенному образу.

Служба в Цилянъ накладывала свой отпечаток на любого. А если этот мастер был заместителем командира, он, должно быть, сталкивался со множеством самых разных ситуаций. Цзянху не было мирным краем, там часто случались конфликты, которые нередко заканчивались кровью. Цилянъ чаще кого бы то ни было смотрел в лицо опасности, постоянно оставаясь на острие ножа между мастерами, наёмниками и обычными людьми.

Мастер Дун начал урок, его голос плавно струился по залу, словно горный ручей, заставляя молодых учеников слушать, затаив дыхание. Они, ещё никогда прежде не сталкивавшиеся с техниками скрытых убийств, но наслышанные о Сьюхуа, слушали с вниманием и жадностью, боясь упустить даже слово.

– Известно, что техники скрытых убийств вышли из древней организации, носившей название Зал Четырёх Истин. Последние упоминания о ней встречаются в текстах пятисотлетней давности. Считается, что Зал Четырёх Истин перестал существовать примерно в то же время, но правильнее было бы говорить не об исчезновении, а о переустройстве. Само учение Зала не исчезло, сегодня его продолжают совершенствовать ученицы Сьюхуа.

– Обучаться в Зале Четырёх Истин могли лишь девочки, и эта традиция также сохранилась в нынешней школе Сьюхуа. Искусство скрытых убийств является тонким и изящным, в отличие от владения мечом, где металл сам по себе жёсткий, холодный и напористый. Не пройдя обучение, овладеть полностью всеми техниками скрытых убийств невозможно. У нас нет исчерпывающих данных о них, поэтому даже великие мастера зачастую не могут их использовать или же используют ограниченно.

– Мастер Дун, – Янь Лин поднял руку. – Но разве вы не считаетесь знатоком скрытых техник в цзянху? Неужели ваши возможности тоже ограничены?

Разумеется, никто из присутствующих никогда бы не осмелился задать подобный вопрос Дун Синю, да ещё и так нагло прерывая урок. Но Янь Лин, как сам когда-то подтвердил, был бесстрашным идиотом. Бэй Шэ мысленно шлёпнул себя ладонью по лицу. Дун Синь же спокойно перевёл взгляд на задавшего вопрос юношу. На лице мастера не отразилось ни единой эмоции, он только коротко кивнул и ответил, не меняя тона:

– Верно. Знать и уметь – не одно и то же. Можно научиться видеть скрытые техники, вычислять их, противостоять им, определять, какая именно была использована для убийства. Но обучиться им и достичь так называемого «просветления» – нельзя, если ты не часть Сьюхуа.

– Просветления? – заинтересовавшись, переспросил Янь Лин.

– Зал Четырёх Истин не зря носил это название. По сути, концепция их учения была заимствована из буддийской философии. Человек рождён для страданий, и чтобы их преодолеть, он должен постичь четыре истины – страдание, возникновение страдания, прекращение страдания и путь. Однако в учении Зала Четырёх Истин это не истины в их изначальном смысле, а этапы обучения. Доподлинно неизвестно, каково содержание каждого из этих этапов совершенствования, но при достижении четвёртого, по аналогии с буддизмом, ученица переходила к постижению «Восьмеричного пути». Однако в отличии от классической буддийской философии, здесь совершенствовались не восемь духовных элементов, а восемь техник скрытых убийств.

– Учение Зала Четырёх Истин гораздо сложнее любой техники меча. На освоение базовых техник своих школ вы тратите в среднем десять лет, начиная тренировки с восьми-десяти лет. Ученицы Зала Четырёх Истин начинали обучаться не позже чем в четыре года, и на освоение первых четырёх этапов у них уходило от пятнадцати до двадцати лет. Что касается «Восьмеричного пути» – постигать его они могли всю оставшуюся жизнь. Вероятно, по этой причине никто из известных нам на сегодняшний день учениц Сьюхуа не владеет всеми восемью техниками. И по этой же причине среди них нет тех, кого можно было бы именовать мастером, все они остаются ученицами независимо от возраста. За исключением главы школы. Она единственная имеет хоть и не признанное Великим Советом, но звание мастера.

– То есть она владеет всеми техниками скрытых убийств?! – ошарашенно выпалил Му Цяо, все повернулись к нему, юноша тут же покраснел и смутился.

– Да, – подтвердил Дун Синь. – Согласно имеющейся информации, глава школы Сьюхуа единственная в цзянху владеет всем комплексом техник Зала Четырёх Истин. Моя задача – рассказать вам о том, как их обнаружить. Чтобы в дальнейшем, вернувшись в свои школы, вы могли практиковать и развивать этот навык. Однажды он может спасти вам жизнь. В противном случае, встретив Сьюхуа, вам останется лишь бежать. Если успеете.

В комнате для занятий наступила тишина. Ученики нервно поёжились, словно от холода, Янь Лин же ухмыльнулся и взглянул на сидящего рядом Сэн Уляня. Тот смотрел прямо перед собой, явно о чём-то задумавшись.

– Техники вашей школы немного похожи на техники скрытых убийств, верно? – шепнул Янь Лин, наклонившись к парню.

Сэн Улянь чуть повернул голову, бросив на него взгляд, но тут же отвернулся, ничего не ответив. Но на самом деле нельзя было сказать, что Янь Лин был так уж неправ. Тёмные техники в некотором роде действительно были схожи с техниками скрытых убийств. В их основе лежало использование ци без холодного оружия, и совершенствование этих техник базировалось на постижении глубин собственной энергии путём освоения ступеней учения. Каждая ступень включала методы медитации для развития ци и набор техник, связанных с этим уровнем погружения. Чем больше ступеней осваиваешь – тем глубже постигаешь путь.

Техники Хэйшуй существовали много столетий, но откуда они пришли, каким образом их постиг основатель школы, великий мастер Хэ Юй, было неизвестно. Однажды Сэн Улянь спросил об этом Ло Лумана, но тот сказал лишь, что основатель не оставил записей об этом. По какой-то причине он не раскрыл истину даже своим собственным ученикам. Так или иначе, это давно осталось в прошлом и теперь уже не имело значения. Возможно, когда-то давно создатель тёмных техник имел отношение к Залу Четырёх Истин, а может, сам этот Зал стал побочной ветвью какого-то ещё более древнего учения.

Сэн Улянь знал, что в их школе можно было обучиться технике создания масок Ижун¹⁰, которые часто называют «масками из человеческой кожи», но мало кто всерьёз интересовался этим ремеслом, потому как Хэйшуй, как одной из пяти великих школ, не было необходимости использовать подобные методы для достижения своих целей. К тому же полностью сохранилась лишь сама техника создания масок, которая некогда являлась частью целого отдельного учения, носившего название «Искусство Ижун».

Маска могла лишь изменить внешность, однако постижение «Искусства Ижун» позволяло не просто менять облик, а буквально перевоплощаться в другого человека, подражая его речи, манере поведения, движениями и мельчайшим деталям. Мастер Ижун мог стать чьей угодно тенью и заменить оригинал. Искусство перевоплощения Сьюхуа тоже базировалось на использовании масок Ижун, а значит, им была доступна технология их изготовления, но сохра-

¹⁰ ## (yì gǒng) – маскировка; # (yì) – изменять, лёгкий; # (róng) – внешность, облик.

нилось ли в их школе само «Искусство Ижун» – было неизвестно. У Хэйшуй о нём не было полных записей, лишь разрозненные фрагменты.

Так что отрицать некогда существовавшую связь между Хэйшуй и Сьюхуа было бессмысленно. Но что бы ни происходило столетия назад, сейчас всё было иначе. История нередко порождает множество связей, но чем больше проходит времени, тем тоньше становятся нити, и однажды наступает момент, когда никто из потомков больше не сможет рассказать о делах давно минувшего прошлого. Нить обрывается, память утрачивается, а пути тех, кто некогда был связан, больше никогда не пересекаются.

Глава 70

– Выйди со мной на поединок, – Сэн Улянь, поймав проходившего мимо Янь Лина, утащил его за стену, разделяющую павильоны Хэйшуй и Хунфэн, и теперь грозно нависал над юношей.

– Это ведь Хэйшуй? – вместо ответа Янь Лин указал на меч.

– Верно.

Ножны Хэйшуя были чёрными, их украшала серебряная инкрустация, сплетающаяся в причудливые узоры рыб – точно как на воротниках халатов учеников. Однако Янь Лина привлекло вовсе не это. Ему впервые довелось так близко и так внимательно изучить этот легендарный меч, который наравне с его собственным входил в «Стальную четвёрку цзянху».

– Они так похожи, – пробормотал себе под нос юноша.

Чунлай и Хэйшуй действительно были похожи. Однако чёрные ножны и серебряная инкрустация, выполненная в схожем стиле. Даже оплётка рукоятей была сделана в одинаковой технике. Янь Лину не было известно, что связывает эти мечи, а Сэн Улянь явно не собирался ему рассказывать, поэтому только фыркнул и поторопил юношу:

– Я жду твой ответ. Я не хочу просто вызывать тебя на поединок во время тренировки, я хочу получить согласие на ответный бой.

– Лянь-сюн, – улыбнулся Янь Лин, глаза Сэн Уляня закатились, но он протяжно выдохнул и продолжил ждать ответ. – Какой смысл нам сходить в поединке здесь? Это всего лишь обучение, с боя на состязании Небесного Меча и года не прошло.

– И что? – Сэн Улянь сложил руки на груди, явно теряя терпение.

Янь Лин поднял указательный палец и заговорил назидательным тоном:

– А то, что ответный поединок имеет смысл устраивать тогда, когда мы оба станем на ступень выше. Чтобы действительно помериться силами и оценить, кто приложил больше усилий.

– Да ты просто боишься проиграть!

– А ты не боишься? – на губах Янь Лина мелькнула лукавая улыбка. – Подумай, на состязании мне удалось тебя одолеть, если одолею и сейчас, третьего шанса отыгаться уже не будет.

Сэн Улянь сжал пальцами переносицу, словно у него разболелась голова.

– Зачем нам делать это тут? – продолжил увещевать Янь Лин. – Пусть наш ответный поединок будет настолько грандиозным, что всё цзянху сбежится посмотреть!

Сэн Улянь обречённо выдохнул:

– Что ты придумал?

– Давай сойдёмся в поединке, когда оба станем молодыми мастерами, м? Вот тогда-то мы точно сможем помериться силами и техниками. Сейчас мы всего лишь недоучки.

– А тебе обязательно всё превращать в представление?

– Иначе жизнь будет слишком унылой, мой дорогой Лянь-сюн, – Янь Лин вдруг протянул руку и ловко ухватил двумя пальцами запутавшийся в волосах Сэн Уляня лепесток цветов дикой яблони, который ветер принёс невесть откуда. Он растёр его пальцами, отчего в воздух поднялся едва уловимый сладковатый аромат. – Я старше тебя почти на год, и стану молодым мастером раньше. Но я не буду соглашаться на поединки ни с кем, я дождусь тебя, – Янь Лин отряхнул пальцы, а затем отвязал от своего меча кисточку и поднял её на ладони.

Сэн Улянь замер на мгновение, он даже ещё не успел всё как следует обдумать, а его руки уже потянулись к мечу. Он тоже отвязал свою кисточку и протянул Янь Лину. Это была нерушимая договорённость – два мастера, обмениваясь кисточками для мечей, договаривались непременно сойтись в поединке, когда настанет подходящий момент. Нарушить такой уговор – значило потерять честь, единственной причиной не выйти на поединок могла быть смерть. И

пусть Янь Лин и Сэн Улянъ были всего лишь учениками, оба вдруг отнеслись к вопросу своего второго боя серьёзно.

Сэн Улянъ изначально даже и подумать не мог, что Янь Лин может зайти настолько далеко. Но позднее, осмысливая эту ситуацию, пришёл к немного раздражающему выводу, что Янь Лин прав. Незачем торопиться, этот бой должен стать демонстрацией мастерства и силы. И лишь перейдя на следующую ступень, он сможет в полной мере проявить свои способности.

С того дня отношения между Янь Лином и Сэн Улянем неуловимо изменились. Ученики Хэйшуй, привыкшие к тому, что Сэн Улянъ начинал раздражаться, едва завидев Янь Лина, с удивлением обнаружили, что эта неприязнь заметно поубавилась. Если не сказать, что исчезла совсем. Янь Лин всё так же бессовестно таскал из тарелки Сэн Уляня кусочки еды, но тот даже не злился, более того, он спокойно пододвинул тарелку ближе к Янь Лину, пока они что-то обсуждали! С ними был Бэй Шэ, и эта неразлучная троица вечно находилась вместе – на занятиях, в обеденном зале и даже в свободное время после уроков.

Сэн Улянъ и сам понять не мог, почему вдруг его впечатление о Янь Лине так резко изменилось. Но если уж быть совсем честным, он изначально думал о нём предвзято, и вся эта детская обида была не более чем петушиными перьями и чесночной шелухой. В тот момент, когда на протянутой ладони Янь Лина оказалась кисточка меча, маска, которую Сэн Улянъ упорно натягивал на своего «соперника», вдруг треснула, а затем и вовсе разлетелась на куски. Под ней оказался совсем не тот человек, которого он рисовал в своём воображении. Каким бы взбалмошным, безрассудным и надоедливым ни был Янь Лин, вся его сущность всё равно воплощала глубинную суть Хунфэн: честь, достоинство, справедливость. Янь Лин оказался тем, на кого можно положиться и чьим словам можно верить.

Но это отнюдь не мешало ему делать глупости и втягивать в них других.

Сэн Улянъ уже собирался ложиться спать, когда под окном раздался едва уловимый шорох, а в следующее мгновение, словно порыв ветра, в комнату ворвалась изящная фигура в тёмно-красных одеяниях. Янь Лин чинно уселся на подоконник, закинув ногу на ногу, подмигнул Сэн Уляню и шёпотом сказал:

– Идём!

Сэн Улянъ, который снял верхнее одеяние, когда отправился умыться, стоял в одной распахнутой нательной рубахе, хорошо хоть штаны ещё были на месте. Он чуть опустил голову, с каменным лицом медленно прошёл к ширме, взял свой халат, накинул на плечи и только потом ответил:

– Куда?

– На крышу Небесной пагоды!

Эта пагода находилась на отдалённом пике, по словам учеников Тяньхэ, в ней хранились книги, старинные свитки и какие-то реликвии. Небесная пагода являлась старейшим зданием на территории школы, построенным ещё до того, как та была основана. Но даже несмотря на это, она выглядела довольно крепкой – ни ветра, ни дожди, ни метели ей не были страшны. Пагоду особенно не охраняли, но входить на пик без специального разрешения было нельзя – даже сами ученики Тяньхэ должны были получить допуск, чтобы попасть туда. У единственного моста, ведущего к пику Небесной пагоды, всегда дежурил кто-то из молодых мастеров.

Разумеется, никому в Тяньхэ никогда не приходило в голову пробраться тайком на этот пик, чтобы залезть на крышу и полюбоваться видом. Хотя вид оттуда открывался действительно завораживающий – почти вся горная цепь хребта Циньлин, уходящая далеко на запад к Куньлунь, была как на ладони.

Наверняка величественная Небесная пагода за все столетия своего существования ещё ни разу не подвергалась такому вопиющему осквернению. Дело было даже не в том, что некоторые ученики, наплевав на правила, пробрались туда, куда не следует. Они ещё и сделали это с тремя кувшинами украденного вина в придачу. Нетрудно догадаться, чья это была идея.

Собственно, исполнение идеи – влезть на кухню, чтобы стащить вино – тоже принадлежало этому же герою.

Когда Сэн Улянь выпрыгнул в окно вслед за Янь Лином, возле моста, ведущего с пика Хэйшуй и Хунфэн, уже ждал Бэй Шэ. На земле рядом с ним стояли три запечатанных кувшина, на которых был нарисован лотос. На бирке можно было рассмотреть изящно выведенные иероглифы, складывающиеся в название «Слеза белого лотоса». Это было вкусное, редкое и дорогое вино. И, очевидно, третий ученик великого мастера Вэй Юаня, возвращённый в любви, заботе и ласке в стенах Хунфэн, счёл бы ниже своего достоинства стащить что-то более приземлённое.

Сэн Улянь не знал, в какой момент стал потакать этому избалованному третьему нефриту горы красных клёнов, но сейчас он лишь взглянул на его светящееся счастьем лицо и проглотил грубые слова, что уже вертелись на языке. Юноша упёрся одной рукой в бок, второй почесал кончик брови, бросил осуждающий взгляд на Бэй Шэ, потому что на Янь Лина не мог, и протяжно выдохнул. Бэй Шэ лишь беспомощно пожал плечами. Янь Лин схватил два кувшина, сунул по одному Сэн Улянью и Бэй Шэ, третий взял сам, втиснулся между двух парней, закинув руки им на плечи, и, как генерал, возвращающийся в столицу с победой, зашагал в сторону Небесной пагоды.

Пробраться на пик оказалось проще просто – стоило на миг отвлечь внимание дежурного мастера, и три тени, проشمыгнув по мосту, через мгновение уже оказались на крыше. Пик был отдалённым, длина моста составляла не менее одного ли¹¹, а высота пагоды – не менее двух чжанов¹². Троица устроилась на заднем скате крыши, поэтому дежурный мастер не мог их видеть, как и не мог слышать разговора. Если сильно не шуметь, оставаться незамеченными несложно. Ночь была безлунной, но звёзды освещали укрывшиеся во тьме горы, вырисовывая рваные очертания их вершин.

– У главы Сюань определёнno хороший вкус, – Янь Лин глотнул вина и растянулся на крыше как кот.

– Ты, видимо, уже накопил достаточно добродетелей и готов умереть, – ответил ему Сэн Улянь.

– Но ты ведь тоже наслаждаешься этим прекрасным вином здесь с нами, разве нет?

– Угу, и теперь мы умрём все вместе, – Сэн Улянь тоже сделал глоток, раз уж горшок треснул, оставалось разбить его до конца.

– Боюсь, мой брат явится за мной на тот свет, заявив, что смерть – не повод нарушать правила клана, – угрюмо вздохнул Бэй Шэ.

Янь Лин расхохотался, Сэн Улянью пришлось пихнуть его в бок, чтобы вёл себя потише, но тот уже развеселился. Вино «Слеза белого лотоса» было гораздо крепче обычного, потому что изготавливалось специально для мастеров боевых искусств, которые из-за концентрации ци пьянели медленно. Молодым ученикам достаточно нескольких глотков, чтобы расслабиться, а на половине кувшина состояние уже можно описать словом «навеселе». Янь Лин резко поднялся, посмотрел сначала на Бэй Шэ, потом на Сэн Уляня и прищурился.

– Предлагаю клятву.

– Избавь меня от... – Сэн Улянь не успел договорить, потому что Янь Лин закрыл ладонью его рот.

– Возражения не принимаются. Итак, клятва, – юноша убрал руку от губ Сэн Уляня, чинно оправил полы одежд и продолжил: – Неважно, кто из нас отправится первым на встречу

---

¹¹ Традиционная китайская мера длины, 1 ли равен 500 м.

¹² Традиционная китайская мера длины, 1 чжан равен 3,3 м.

с Яньло-ваном¹³, остальные должны проводить его, выпив этого вина, – Янь Лин приподнял свой кувшин.

– Значит, ты всё-таки понимаешь, что если попадёшься, головы тебе не сносить, – кивнул Сэн Улянь. – Ладно, поддерживаю, – юноша тоже поднял кувшин.

Бэй Шэ усмехнулся и присоединился. Когда три глиняных кувшина столкнулись, раздался звонкий стук, разрезавший ночную тишину. Вся троица резко замерла и пригнулась. Дежурный мастер вскинул голову, огляделся по сторонам, но в итоге лишь пожал плечами. Сэн Улянь поднял указательный палец руки, которой держал кувшин, и, показывая на Янь Лина, тихо сказал:

– Если помрёшь раньше, чем мы сойдёмся в поединке, я отыщу тебя в загробном мире и даже там не дам спокойно существовать, пока мы не подерёмся.

– О, не переживай, Лянь-сюн, даже если я отправлюсь к праотцам раньше, я не перейду на другой берег, останусь ждать тебя у моста Найхэ¹⁴. Я ведь обещал – я дождусь тебя, хоть в этом мире, хоть в ином.

Кувшины снова со стуком ударились друг о друга и незаметно опустели уже наполовину.

– Кстати! – Янь Лин снова встрепенулся. – Когда я стану молодым мастером, я смогу свободно путешествовать по цзянху. И могу сопровождать учеников. Поэтому... – юноша выпрямил спину, поставил кувшин, придерживая его коленом, затем поднял руки к груди, обхватил кулак правой руки ладонью левой и торжественно заговорил: – Братья мои! Не согласитесь ли вы сопровождать меня в этих скитаниях?

– Когда мы успели стать братьями? – усмехнулся Сэн Улянь.

– Только что. Теперь зови меня гэгэ¹⁵, – подмигнул ему Янь Лин.

Сэн Улянь поперхнулся вином и закашлялся, потом вытер рот тыльной стороной ладони и бросил нечитаемый взгляд на Янь Лина. Того явно забавляла такая реакция, и он начал поддразнивать юношу. Бэй Шэ не упустил возможности подлить масла в огонь, и в итоге все трое так развеселились, что совершенно перестали контролировать громкость своих голосов и активность действий.

Терпкий запах почти выпитого вина витал над крышей древней пагоды, а трое молодых людей болтали и смеялись, не обращая внимание ни на что вокруг. Пока за их спинами не раздался ошарашенный голос:

– Какого чёрта?!

---

¹³ В китайской мифологии судья и правитель загробного мира Диюй.

¹⁴ Переход между царством живых и мёртвых, после смерти душа должна пересечь мост через реку Найхэ, чтобы предстать перед судом Янь-вана и затем войти в круг перерождения.

¹⁵ ## (gēgē) – неформальное обращение к старшему брату или к мужчине старше говорящего по возрасту. Используется между родственниками, друзьями, коллегами, иногда по отношению к супругу.

Глава 71

Юноши резко обернулись: на противоположном скате крыши стояла фигура в белых одеждах – дежурный мастер Тяньхэ. Лицо мужчины было перекошено от гнева, будто кто-то раскопал могилы его предков и предков его соседей и устроил пляски на костях прямо у него под носом. Бэй Шэ и Сэн Улянь впали в ступор от неожиданности, а Янь Лин вдруг подбросил кувшин в сторону мастера, схватил двух своих компаньонов за руки и спрыгнул с крыши пагоды прямо в чернеющую пропасть! Мастер, отвлечённый кувшином, не успел вовремя среагировать – когда он подбежал к краю крыши, три фигуры уже скрылись в неизвестном направлении.

Спрыгнув вниз, Янь Лин, ловко используя цингун, обогнул пик, отталкиваясь от скалистых выступов, и спустя пару мгновений уже пересёк мост, по-прежнему таща за собой Сэн Уляня и Бэй Шэ. Только когда они оказались достаточно далеко от Небесной пагоды, он выпустил их руки.

– Твою мать! – выпалил Бэй Шэ. – Нам конец, нам точно конец!

– Для северного оборотня ты слишком труслив! – рассмеялся Янь Лин.

Они продолжали быстро двигаться вперёд, не останавливаясь ни на секунду. Все ученики давно уже спали, на территории школы было темно и тихо. Никто даже не заметил, как три тени, подобные порыву ветра, пронеслись над десятком павильонов. Через мгновение вся троица прошмыгнула в окно комнаты Сэн Уляня.

– Почему именно ко мне? – прошипел юноша.

– Прости, Лянь-сюн, ноги сами привели! – улыбнулся Янь Лин, разведя руки в стороны.

– И что теперь делать? – шёпотом спросил Бэй Шэ.

Янь Лин аккуратно подошёл к окну и осмотрелся – на пике было тихо: ни движения, ни голосов. Парень ухмыльнулся:

– Кажется, мы сбежали.

– А если они всё-таки найдут нас?

– Не найдут. – Янь Лин засмеялся и указал рукой на небо: – Видишь положение звёзд? Они говорят, что нас ждёт светлое будущее! Чем теперь займёмся?

– Я ложусь спать, – Сэн Улянь завалился на кровать, скрестив ноги и заложив руки за голову. – А вы сами придумывайте, как добраться до своих павильонов.

– Лянь-сюн, ты такой жестокий! – наигранно вздохнул Янь Лин.

Сэн Улянь ничего не ответил. Он лежал с закрытыми глазами и усиленно делал вид, что пытается уснуть. Хотя на самом деле его сердце всё ещё колотилось где-то в горле. Эта ситуация вызвала в нём целую бурю эмоций. Конечно, какая-то часть души испытывала страх – всё же он впервые попался на таком серьёзном проступке. Но чувством, захлестнувшим его почти полностью, была вовсе не боязнь наказания, а возбуждение. Совершить что-то, выходящее за рамки правил, оказалось довольно... интригующим.

Янь Лин, судя по всему, вообще не намеревался уходить, Бэй Шэ же просто не рискнул высовываться на улицу. Янь Лину, чтобы попасть в свой павильон, нужно было всего лишь перепрыгнуть через стену. А вот ему самому пришлось бы пересечь несколько мостов, чтобы добраться до пика, где размещался клан Бэй. Разумеется, риск попасться был высок, тем более мастера Тяньхэ наверняка сейчас рыскали по территории в поисках нарушителей. В итоге Янь Лин с протяжным вздохом завалился поперёк кровати, используя Сэн Уляня как подушку, а Бэй Шэ растянулся рядом, используя, в свою очередь, в качестве подушки Янь Лина.

– Лянь-сюн, – Янь Лин повернул голову к Сэн Уляню и почти уткнулся носом в его подбородок, – я знаю, что ты не спишь.

– Я мог бы спать, – не открывая глаз, проворчал Сэн Улянь.

– Но ты ведь не спишь!

– Заткнись, – Сэн Улянъ вытащил из-под головы правую руку и накрыл ладонью губы Янь Лина.

– Мпф-мпф!

Янь Лин какое-то время ещё пытался что-то сказать, но в итоге вздохнул и не стал сопротивляться. Сэн Улянъ отнял ладонь и просто оставил руку лежать на Янь Лине, чтобы в случае чего применить удушающий приём и насильно заставить его заснуть.

В Тяньхэ были три старейшины, которые при главе выполняли примерно те же задачи, что министры при императоре. Сама глава Сюань предпочитала затвор и медитации, поэтому с делами, не требующими её прямого участия, всегда разбирались старейшины. Главным из них был великий мастер Чу Чжихуэй. Этот почтенный старец был настолько древним, что, по слухам, нянчил главу Сюань, когда та была ещё несмышлённым ребёнком. И уже тогда Чу Чжихуэй был стар. Даже ученики Тяньхэ, да и большинство мастеров школы, понятия не имели сколько ему лет.

Старейшина Чу был консервативным человеком, считавшим, что всю истину мира можно постичь через прилежное изучение древних писаний. Он был тем, кто заложил множество основ нынешней программы обучения, которой следовали ученики Тяньхэ, и в том числе занимался воспитанием младших учеников, прививая им нравственность и наставляя на путь добродетели.

Разумеется, новость о том, что какие-то негодяи ночью пробрались на крышу Небесной пагоды, чтобы напиться вина, едва не свела почтенного старейшину Чу в могилу. В гневе он разорвал только что переписанное им очередное писание о добродетели. Цвет его лица менялся от землисто-серого к зелёному, а после – к красному, руки дрожали, то и дело порываясь выхватить меч. Если бы провинившимися были ученики Тяньхэ, старейшина Чу наверняка заставил бы восемь поколений их предков испытывать стыд на небесах. Но, к превеликому сожалению, наглецами оказались ученики других школ, и применить к ним небесную кару Чу Чжихуэй не мог.

Первым, что почувствовал Сэн Улянъ, когда проснулся, была головная боль. Вторым – тяжесть в области груди от того, что Янь Лин проспал на ней всю ночь. Третьим – чья-то убийственная аура. Юноша с трудом разлепил веки. Прямо перед кроватью стояло что-то белое и, кажется, очень кровожадное. Сэн Улянъ моргнул и, когда зрение сфокусировалось, встретил леденящий душу направленный сверху вниз взгляд старейшины Чу.

– Лянь-сюн, твоё сердце так колотится, что у меня в ушах звенит, – сонно пробурчал Янь Лин и потёрся щекой о свою «подушку», устраиваясь поудобнее.

Из-за его возни Бэй Шэ тоже проснулся и сел на кровати, потирая глаза. Как только он отнял руки от лица, его взору предстала неожиданная картина – в комнате молча стояли пять человек: старейшина Чу в белых одеждах прямо перед кроватью, за его спиной двое мастеров Хэйшуй, которые сопровождали своих учеников на обучении, а позади ещё два человека – один в тёмно-красных одеждах, а второй... в чёрно-фиолетовых. Бэй Шэ так и застыл с поднятой рукой. Сэн Улянъ медленно потряс Янь Лина за плечо.

– М-м, ещё чуть-чуть... – пробубнил юноша. Но в следующее мгновение Сэн Улянъ уже с силой толкнул его, спихнув с себя, поэтому Янь Лину волей-неволей пришлось сесть и открыть глаза. Накануне он выпил больше остальных, его всё ещё затуманенный алкоголем мозг соображал медленно. Увидев перед собой кого-то в белых одеждах, Янь Лин нахмурился и пробормотал:

– Что, кто-то умер?¹⁶

– Наше светлое будущее, – процедил Сэн Улянъ.

---

¹⁶ В Китае белый цвет традиционно считается траурным.

Небо с утра затянули серые тучи. Мелкий холодный дождь моросил, проникая под лёгкие ученические халаты и заставляя кожу покрываться мурашками. Иногда порывы ветра с силой швыряли капли прямо в лицо, вынуждая троих стоящих на коленях юношей прикрывать глаза. Им было не позволено шевелиться, и они никак не могли защититься от ветра. Старейшина Чу, одной рукой держа зонт из промасленной бумаги, а другую заложив за спину, прошёлся туда-сюда перед застывшей, словно каменные идола, троицей.

– Третий ученик главы Хунфэн, второй ученик главы Хэйшуй и младший брат главы клана Бэй... – голос Чу Чжихуэя был сухим, как песок в пустыне. – Чем же заслужили ваши старшие таких неблагодарных учеников?! Опозорить себя, опозорить своих учителей, опозорить свои школы и клан! Да будь моя воля, я бы вышвырнул вас отсюда сию же секунду! Только из уважения к вашим учителям вам всё ещё позволено находиться на землях Тяньхэ! Вы понесёте наказание! Вместо утренних занятий каждый по сто раз переписет учение о добродетели. А вместо тренировок после обеда вы будете две недели стоять на коленях перед Небесной пагодой, вымаливая прощение у великих предков!

Старейшина Чу снова весь затрясся от гнева, раздражённо фыркнул, сложил зонт и широким шагом удалился с пика, оставив учеников отбывать первый день своего наказания. Когда его шаги стихли, Янь Лин поднял голову – на губах юноши играла улыбка, по которой было совершенно ясно, что он ни о чём не жалеет.

– Боги, Янь Лин, в этом мире хоть что-то может заставить тебя чувствовать себя виноватым?! – прошипел Бэй Шэ.

– Он родился без стыда и совести, – отстранённо прокомментировал Сэн Улянь.

– Лянь-сюн, ты делаешь мне больно! – воскликнул Янь Лин, соорудив обиженное лицо. – Стыда, может, у меня и нет, но совесть имеется, а иначе отдал бы я тебе свою кисточку?

– А?! – глаза Бэй Шэ округлились. – Что-что ты ему отдал?

– Мы договорились сойтись в поединке, когда оба станем молодыми мастерами, – довольно улыбнулся Янь Лин. – Если вдруг наш бой не состоится, это, пожалуй, станет единственным, о чём я действительно буду сожалеть.

Глава 72

Спина Мо Байхэ, стоящего над телом Янь Лина, навсегда отпечаталась в памяти Ши Цзысюя. Есть ли способ измерить человеческое горе? Нет, не существует такой меры, нет таких чисел. Чем необъятнее боль, тем сильнее сжимается сердце и тем слабее и беззащитнее кажется тело. Опустившиеся плечи, сгорбленная спина, низко опущенная голова и душающая тишина. Молчаливое горе одного человека было громче боя тысяч военных барабанов.

Янь Лин так и не вернулся с севера. Он ушёл туда больше четырнадцати лет назад, и его душа навечно осталась там. Там была его жизнь, там была его смерть. Так было суждено. И оказалось, что терять во второй раз ещё больнее. Такая жестокая шутка судьбы – вернуть, чтобы снова отнять, на этот раз навсегда. Но хуже всего то, что боль невозможно заглушить ничем. Ни ненавистью, ни мстостью, ни даже любовью. Её можно только прожить, сохранив навсегда в своём сердце в виде раны, которая никогда так и не затянется до конца.

Смерть Янь Лина была слишком внезапной, чтобы хоть кто-то из тех, кто стал её свидетелем, мог быстро взять себя в руки. В Хэдуне Лан Сун, Ши Цзысюй и Бэй Ху встретились с Мо Байхэ и Бэй Шэ. Каким бы великим мастером ни был Мо Байхэ, но справиться с этой ситуацией в тот момент не мог даже он. Первым пришёл в себя Бэй Шэ, он забрал своих спутников в Хэбэй, в клан Бэй, до тех пор, пока Чжоу Сяньцзянь не прибудет туда.

Клан Бэй был многочисленным, представляя собой по сути целый город с одним именем, на территории которого находилось много жилых и учебных павильонов, тренировочные площадки, библиотека и множество других сооружений самого разного назначения. Все жители здесь так или иначе были связаны с кланом – либо работали на него, либо были учениками. Когда на горизонте показались очертания города, Бэй Ху слегка натянул поводья, заставляя свою лошадь замедлить шаг. Он не был здесь десять лет. И теперь возвращаться в то место, которое когда-то являлось домом, было странно. Бэй Ху уже давно перестал считать его таковым. Но всё же...

– Эй, – Ши Цзысюй поравнялся с ним. – Всё в порядке?

Бэй Ху обернулся и, увидев лицо Ши Цзысюя, озарённое мягким жёлтым светом закатного солнца, успокоился. Уголки его губ чуть приподнялись, он кивнул и двинулся вперёд. Не успели они пройти одного ли, как впереди показалось несколько чёрных точек, которые быстро приближались, приобретая очертания всадников. Вскоре уже можно было различить чёрно-фиолетовые одежды ездоков. Видимо, глава Бэй послал кого-то из клана встречать гостей.

Ши Цзысюй, Бэй Ху и Бэй Шэ ехали верхом, Лан Сун правил крытой повозкой, в которой в гробу из особого холодного камня покоилось тело Янь Лина, а Мо Байхэ находился рядом с ним. Ученики заняли места по обе стороны от повозки, ожидая, когда группа всадников приблизится, Бэй Шэ же поехал вперёд, навстречу.

Новоприбывших было шестеро. Во главе группы на чёрном, как смоль, поджаром жеребце ехал молодой мужчина. Очертания его плеч выделялись натренированными мышцами, хотя в целом он не выглядел чересчур мускулистым. Ши Цзысюй поймал себя на мысли, что фигура этого человека очень похожа на фигуру Бэй Ху. А когда всадники подъехали ближе, юноша понял, что не только фигура, но и лицо имело немало общих черт. Нетрудно было предположить, что он, скорее всего, являлся первым старшим братом Бэй Ху.

Его звали Бэй Сюн. Когда Бэй Ху впервые назвал имя своего старшего брата, Ши Цзысюй ошарашенно выпалил: «Чёртов Янь Цюлинь был прав!». Имя первого сына главы Бэй действительно записывалось как «медведь». Бэй Ху всегда был немногословным, и даже после того, как их отношения с Ши Цзысюем стали ближе, он всё равно предпочитал больше молчать и слушать, чем говорить. Ши Цзысюй знал, что Бэй Сюн был старше Бэй Ху на двенадцать лет. Из-за большой разницы в возрасте они мало времени проводили вместе, пока Бэй Ху жил в

клане, а когда его отправили в Хунфэн, Бэй Сюн уже стал молодым мастером и почти не появлялся дома, занимаясь делами в цзянху. Можно сказать, Бэй Ху практически не знал своего первого старшего брата.

– Дядя! – глубокий низкий голос Бэй Сюна, подхваченный ветром, разнёсся над каменистой равниной, когда он поприветствовал Бэй Шэ.

Повозка остановилась в нескольких чжанах от всадников, а вместе с ней остановились и Бэй Ху с Ши Цзысюем. Бэй Шэ что-то сказал Бэй Сюну и тот, вскинув голову, посмотрел ему за спину, обегая глазами оставшуюся позади делегацию. Взгляд мужчины резко замер, а лицо на мгновение застыло, словно он увидел то, что вовсе не ожидал увидеть. Но уже через мгновение уголки губ Бэй Сюна поползли вверх. Он дёрнул поводья, и его лошадь в пару прыжков оказалась перед Бэй Ху.

Тот тоже не знал, что встречать их отправится Бэй Сюн. Бэй Ху пробыл в Хунфэн десять лет, но брата он не видел дольше, если учитывать пребывание того в цзянху. Бэй Ху, конечно, узнал его, всё-таки внешне все трое сыновей главы Бэй были немного похожи, но, по правде говоря, он почти не помнил Бэй Сюна. Если Бэй Лан был тем, кто в детстве постоянно находился рядом, то Бэй Сюн появлялся в жизни Бэй Ху лишь изредка. Он иногда приносил игрушки и сладости, иногда брал Бэй Ху на прогулку в город, а иногда просто молча сидел рядом, глядя, как мальчик делает задание наставника. Но эти моменты были столь редки, что почти стёрлись из памяти. В тот день, когда Бэй Ху отправился в Хунфэн, Бэй Сюн так и не появился.

Теперь же, глядя в такие знакомые, но одновременно чужие льдистые глаза, Бэй Ху не знал, что делать. Он сжал поводья, слегка наклонил голову и ровным, но несколько приглушённым голосом поприветствовал:

– Дагэ¹⁷.

Рука Бэй Сюна, которая уже было потянулась к Бэй Ху, замерла, но затем он всё же решительно протянул её и крепко ухватил парня за плечо.

– Эй, посмотрите, как наш лисёнок вырос, – мужчина улыбнулся. – Когда я видел тебя в последний раз, ты и на лошадь не мог забраться без посторонней помощи.

– Мне было семь, – привычным бесстрастным голосом ответил Бэй Ху.

– Верно... – Бэй Сюн медленно опустил руку, но не сводил глаз с лица своего младшего брата.

Ему всё ещё не верилось, что этот молодой мужчина и тот маленький мальчик, которого он помнил, – один и тот же человек. Из глубины души стала подниматься горечь, которую Бэй Сюн не ощущал уже много лет. Та самая горечь, что не позволила ему вернуться домой, чтобы проводить Бэй Ху в Хунфэн. Та самая горечь, что напоминала о собственном бессилии и невозможности что-либо изменить. Та самая горечь, что шипами оплетала сердце, не давая забыть, почему этого ребёнка отослали подальше. За абсолютное право Бэй Сюна стать следующим главой клана расплатился Бэй Ху.

Порыв ветра разметал волосы юноши, и в сумерках черты его лица стали более резкими и холодными. Бэй Сюн почувствовал, как сердце пропустило удар. Сейчас Бэй Ху так сильно походил на их отца, что мужчине стало немного не по себе. Этот ребёнок, проживший вне клана дольше, чем в его стенах, всё же оставался истинным наследником главы Бэй. В его ауре, его манере держаться, в том, как он говорил, сохранялась эта неуловимая связь, поколениями заложенное величие, заставляющее всех вокруг смиренно принимать чужое превосходство. Едва пронёсшись в голове Бэй Сюна, эта мысль породила смутную догадку: а были ли правила клана действительно той причиной, по которой отец отослал Бэй Ху?

¹⁷ ## (dàgē) – обращение к самому старшему брату в семье.

Пауза затянулась, становясь всё более неловкой. Ши Цзысуй уже собирался поприветствовать Бэй Сюна, чтобы разрядить обстановку, но тут вмешался Бэй Шэ.

– Сюн-эр¹⁸, – строго сказал мужчина, – ты что, позабыл манеры? Не позорь клан Бэй своим неуважением и поприветствуй великого мастера Лана.

Бэй Сюн наконец очнулся от своих размышлений, прыгнул с лошади и отбил низкий поклон перед Лан Суном, принося извинения за своё поведение. Но мастер Лан быстро отмахнулся, давая понять, что ничего страшного не произошло. В итоге вся процессия без лишних заминок двинулась в сторону города Бэй в тишине, нарушаемой лишь топотом копыт да поскрипыванием колёс повозки.

Город Бэй чем-то походил на Фэнчэн. Здесь были торговые лавки, кузнечные мастерские, на улицах продавали маньтоу, вонтоны, лапшу и суп со свиными рёбрышками. Разница состояла лишь в том, что всё здесь принадлежало клану Бэй. Только теперь Ши Цзысуй в полной мере осознал, что Бэй Ху на самом деле чёртов молодой господин! Его семье принадлежал целый город! Где бы они ни проходили, люди отвлекались от своих занятий и почтительно кланялись, едва завидев возглавлявших процессию Бэй Шэ и Бэй Сюна. Ши Цзысуй с любопытством рассматривал всё вокруг и несколько раз уже ловил удивлённые взгляды людей, когда они смотрели на Бэй Ху. Должно быть, местные уже успели догадаться, кем является этот молодой человек. Но сам Бэй Ху словно не замечал ничего, его мысли были явно далеко отсюда.

Поместье главы клана находилось в северной части города. Оно занимало довольно большую территорию. Здесь было несколько отдельно стоящих павильонов, сад, пруд с большой беседкой на берегу, множество фруктовых деревьев и зелени. Так как на дворе стояла весна, всё это великолепие набирало цвет. Когда группа добралась до поместья, сумерки уже окончательно поглотили землю, поэтому по всей территории зажигали фонари. Мягкий жёлтый свет наполнял прохладный вечерний воздух какой-то особой теплотой.

Ши Цзысуй вдруг подумал о том, что именно здесь прошло детство Бэй Ху. Бегал ли он по этим дорожкам, гонясь за воздушным змеем? Забирался ли на сливовые деревья, чтобы сорвать ещё недозревшие фрукты? Бросал ли камешки в пруд, чтобы распугать рыбу? Каким было детство Бэй Ху? Был ли он таким же беззаботным ребёнком, как другие, или висевшее над ним с самого рождения бремя «лишнего» лишило его этих простых детских радостей?

Бэй Ху никогда не говорил, что скучает по дому, родителям или братьям. Он был холоден с Бэй Ланом, когда тот приехал в Фуюнь, немногословен сейчас, когда встретил Бэй Сюна. У Бэй Ху была такая большая семья, но он казался таким одиноким. Более одиноким, чем Ши Цзысуй, потерявший своих родителей, или Янь Цюлинь, никогда не знавший их.

У Ши Цзысюя вдруг защемило сердце от этих мыслей. Их уже вели к приённым покоям главы клана для приветствия. Первым шёл Бэй Шэ, за ним мастера Лан и Мо, следом Бэй Сюн, а замыкали группу Ши Цзысуй и Бэй Ху. Ши Цзысуй обернулся, в нескольких шагах позади следовали двое сопровождающих из охраны. Было уже темно, Ши Цзысуй придвинулся ближе к Бэй Ху и под прикрытием широких рукавов одежд взял его холодную руку, переплетая пальцы. Бэй Ху вздрогнул и повернул голову, взглянув на Ши Цзысюя, тот ободряюще улыбнулся. Бэй Ху смотрел на него какое-то время, а затем крепче сжал тёплую ладонь и решительно вошёл в комнату.

Приёмные покои представляли собой большой зал, расположенный в центральной части поместья и соединённый с внутренним двором. Так как время было вечернее, внутри горели масляные лампы, украшенные традиционными северными узорами. Воздух наполнял мягкий аромат благовоний и только что заваренного травяного чая. В центре зала, перед большой ширмой, расписанной изображениями мифических существ, стоял низкий резной деревянный

¹⁸ # (er) – уменьшительно-ласкательный суффикс, обычно добавляется к имени ребёнка или младшего родственника.

столик, по бокам от него стояло ещё два стола и три находились напротив. Дежурный подошёл к Бэй Шэ и шепнул что-то на ухо. Тот кивнул и повернулся к остальным.

– Глава Бэй немного задерживается из-за дел в городе, но прибудет с минуты на минуту. Пока прошу вас выпить чаю и немного перекусить.

Слуги тут же внесли угощения, расставили всё по столикам и сопроводили гостей к их местам. Мастеров Лана и Мо усадили за отдельные столы, стоящие прямо напротив центрального, предназначавшегося, очевидно, главе клана. Ши Цзысюя посадили за столик позади мастеров, Бэй Ху тоже направился к нему, но слуга, почтительно поклонившись, сказал:

– Третий молодой господин, вам следует занять другой стол, – он указал на столик, стоящий слева от центрального, за ним уже сидел Бэй Сюн, а рядом было ещё две подушки.

Бэй Ху взглянул на этот стол, затем перевёл взгляд на слугу, тот сохранял спокойное выражение лица, однако его кадык нервно дёрнулся. Ни слова не говоря, Бэй Ху обошёл слугу и сел рядом с Ши Цзысюем. Бэй Шэ, который занимал столик справа от центрального, медленно вздохнул, махнул слуге рукой, чтобы тот оставил всё как есть, и посмотрел на Бэй Сюна. Мужчина в ответ вскинул бровь, словно спрашивая: «Он всегда такой?». Бэй Шэ поджал губы и покачал головой.

Едва по чашкам разлили чай, как слуга объявил о прибытии главы клана. Спустя какое-то время из-за ширмы появился высокий, крепкий мужчина, гости встали для приветствия, и Ши Цзысюй, взглянув на вошедшего, поражённо замер. Главе Бэй было за шестьдесят, но выглядел он довольно молодо. Одетый в чёрно-фиолетовые одежды клана, он смотрелся величественно и благородно. В его чёрных волосах, собранных в высокий хвост, не было ни единой седой прядки, а взгляд льдистых глаз был таким пристальным, что, казалось, заглядывал в самую душу. Но Ши Цзысюя поразило совсем не это, а то, насколько похож был Бэй Ху на своего отца. Конечно, он уже слышал об этом от Бэй Ина, но и предположить не мог, каким было это сходство – Бэй Ху в самом деле выглядел как более молодая версия главы Бэй.

О главе северного клана ходило много слухов. Говорили, что он вспыльчивый и жёсткий человек, закалённый боями и холодными северными зимами. Он никому не давал спуска, его боялись и уважали не только мастера цзянху, но даже наёмники. Связываться с Бэй Луном было себе дороже, поэтому никто никогда не лез на его территорию и не смел трогать его людей. И по этой же причине наёмники, напавшие на Ши Цзысюя, побоялись трогать Бэй Ху. Если глава Бэй за членов своего клана готов был перевернуть всё с ног на голову, что бы он сделал, если бы кто-то навредил его сыну?

Пока Ши Цзысюй размышлял об этом, формальные приветствия закончились, глава Бэй выразил свои соболезнования Мо Байхэ, они немного поговорили о Янь Лине, а затем слуги стали вносить блюда для ужина и все вновь расселись по своим местам. Взгляд Бэй Луна остановился на Бэй Ху. Он долго, не отрываясь, смотрел на своего младшего сына, но не произнёс ни слова до самого окончания ужина. Когда все поели, глава Бэй приказал слуге сопроводить мастеров Лана, Мо и Ши Цзысюя в западный флигель, где им приготовили комнаты. Ши Цзысюй поднялся на ноги, взглянув на Бэй Ху, тот коротко кивнул ему, продолжая сидеть на месте. Ши Цзысюй, поняв, что тот остаётся, отправился вслед за сопровождающим.

Когда дверь закрылась, в приёмных покоях остались лишь четверо мужчин из семьи Бэй. Бэй Ху сидел за столом всё в той же позе, смотря прямо перед собой. Бэй Лун какое-то время молча наблюдал за ним, задумчиво потирая подбородок, а затем заговорил:

– Бэй Ху.

– Глава клана, – юноша склонил голову.

Губы Бэй Сюна нервно дёрнулись. Но Бэй Лун спокойно продолжил:

– Почему ты сел там? Разве ты не помнишь, где твоё место?

– Я ученик Хунфэн, моё место позади учителя.

– Ты носишь фамилию Бэй. Пока ты в этом доме, ты должен занимать место в соответствии со своим положением в семье.

– Как главе клана будет угодно, – бесстрастно ответил Бэй Ху, по-прежнему не поднимая взгляда.

Бэй Шэ закрыл глаза и поджал губы, молясь всем богам о том, чтобы у Бэй Луна хватило терпения не реагировать на поведение этого мальчишки. Он как никто другой знал своего брата и что его может вывести из себя. И Бэй Ху сейчас ходил по очень тонкому льду. Мало того, что он проигнорировал правила и сел там, где захотел, так ещё и, словно отрицая собственное родство с семьёй Бэй, называл Бэй Луна главой клана, а не отцом. Бэй Шэ не мог бы с чистым сердцем сказать, что Бэй Ху совсем уж неправ. У него на самом деле были причины злиться, обижаться и даже ненавидеть. Но он не злился и не обижался, его поведение было не демонстративным, а просто безучастным. Такое холодное равнодушие делало в сто раз больше, чем брошенные сгоряча слова обиды.

– Ты вырос, – после недолгого молчания сказал Бэй Лун. Его голос был низким, с хрипотцой, однако Бэй Шэ к своему удивлению не уловил в нём и тени раздражения.

– Этого следовало ожидать, – Бэй Ху наконец поднял голову и взглянул отцу в глаза.

Уголки губ Бэй Луна приподнялись. Сложно было сказать, о чём он думает на самом деле, но выражение его лица смягчилось. Только теперь Бэй Шэ осознал, что Бэй Луна совсем не заботило то, как себя повёл Бэй Ху и что он сказал, ему просто хотелось смотреть на своего сына, которого он не видел десять лет. Он просто был рад, что Бэй Ху сейчас здесь, сидит перед ним, что можно слышать его голос и видеть, каким он стал. Бэй Лун никогда не обсуждал с Бэй Шэ своё решение отослать третьего сына, словно это было что-то само собой разумеющееся. Бэй Лун поддерживал связь с главой Хунфэн и Лан Суном, справляясь о Бэй Ху и его успехах, но никогда не демонстрировал никаких излишних эмоций. И только теперь стало понятно, что все эти годы он действительно скучал по сыну. Просто никогда этого не показывал.

– Твоя комната по-прежнему в твоём распоряжении. Её уже подготовили. Можешь идти отдыхать, ты наверняка устал после дороги, – Бэй Лун поднял руку и слуга тут же подошёл к Бэй Ху, чтобы сопроводить его.

Бэй Ху встал, поклонился и направился к выходу. Когда он уже был на пороге, Бэй Лун его окликнул:

– Ху-эр. Я рад, что ты дома.

Юноша остановился, чуть повернул голову, демонстрируя свой идеальный профиль, и спокойным тоном ответил:

– Я здесь всего лишь гость, – а затем вышел из зала.

– Отец, прости его дерзость, уверен, он не со зла, просто он слишком много времени пробыл вне дома... – заговорил Бэй Сюн.

– Оставь это, – Бэй Лун махнул рукой, не дав ему договорить, – я не сержусь на Ху-эра. В конце концов, всё это лишь моя вина.

Бэй Лун встал и покинул приёмный зал. Бэй Сюн проводил его ошарашенным взглядом, а затем посмотрел на Бэй Шэ.

– Не думай, что ему было легко отпустить сына, – Бэй Шэ тоже поднялся. – Завтра вернётся Бэй Лан, постарайтесь найти общий язык с братом, пока он здесь. Неизвестно, когда ещё представится такая возможность.

Бэй Сюн нахмурился:

– О чём ты, дядя?

– Что-то назревает в цзянху. Слишком много странных событий произошло за последнее время. И ещё неизвестно, кто на какой стороне окажется в итоге.

Глава 73

Гостевые покои, что отвели Ши Цзысюю, были просторными и хорошо обставленными. Большая кровать из чёрного дерева была занавешена пологом и застелена мягкими хлопковыми простынями. За ширмой стоял медный таз для умывания, над ним – бронзовое зеркало, а чуть подальше – даже деревянная бочка для купания. Над водой поднимался пар, рядом лежал мыльный корень и чистые одежды. Слуги заранее позаботились о том, чтобы приготовить всё необходимое.

После долгой дороги Ши Цзысюю с большим удовольствием искупался. Казалось, вместе с пылью и потом смывалась и невыразимая душевная тяжесть. Прошёл год с тех пор, как они отправились на обучение в Фуюнь, но по ощущениям с той поры минуло десятилетие. Столько всего случилось за эти месяцы, и каждое событие оставляло на душе невидимый след. Привычная жизнь изменилась в одночасье, надежды и планы обратились в пыль, но на их место пришли новые.

Столько всего ещё нужно было сделать. Нужно найти Янь Цюлиня. Нужно восстановить справедливость для отца и матери. Нужно забрать то, что было отнято у его семьи. Но прежде нужно было вернуться в Хунфэн, чтобы по всем правилам проститься с мастером Янем, чтобы почтить его память, воскурив десятки, сотни и даже тысячи благовоний в Храме Предков. Чтобы его имя никогда и ни при каких обстоятельствах не было забыто.

Ши Цзысюя никто не будил, после купания он заснул, едва голова коснулась подушки, и пробудился ближе к обеду. Гостевые флигели находились в отдалении от основной территории поместья, окружённые лишь цветущим садом. Поэтому здесь было тихо – из окна доносился только щебет птиц и шелест ветра в кронах деревьев.

Ши Цзысюю оделся в одежды, которые слуги успели за ночь постирать и просушить и, приведя себя в порядок, вышел на веранду, к своему удивлению обнаружив напротив дверей стоящего с идеально прямой спиной парнишку лет тринадцати-четырнадцати. Он словно нёс почётный караул, не позволяя себе расслабиться ни на секунду. Парнишка, видимо, был учеником клана, и его приставили как дежурного к гостевым флигелям.

– Молодой господин Ши! – отчеканил парень и приветственно поклонился. – Мне сбежать за... – глаза парня метнулись к небу, на котором солнце было уже почти в зените, и он неуверенно продолжил: – ...завтраком?

Ши Цзысюю моргнул, размышляя о том, что Бэй Ху, судя по всему, катался как сыр в масле, пока жил в клане. К нему тоже вот так вот постоянно был приставлен дежурный, который по первому щелчку бежал за завтраком? Парень попробовал представить, как Бэй Ху раздаёт указания, сидя за столом, а слуги длинной вереницей вносят изящные яства на серебряных подносах, кланяются и ставят, ставят все эти великолепные блюда перед своим господином...

– Молодой господин Ши? – переспросил ученик, немного растерявшись.

Ши Цзысюю опомнился, отбросил эти дикие мысли в сторону и тряхнул головой.

– Да, где я могу позавтракать?

– О, не беспокойтесь! – спохватился парнишка. – Третий молодой господин специально отправил меня сюда, он попросил не будить вас, а как проснётесь, принести завтрак в ваши покои, поэтому я просто сбегаю на кухню...

Глаз Ши Цзысюя дёрнулся, а кончики ушей порозовели. Кажется, следовало поколотить этого третьего молодого господина. Подавив готовые сорваться с губ ругательства в адрес одного безывестного оборотня, юноша спросил:

– А где он сам?

– Третий молодой господин и первый молодой господин утром уехали в город, сегодня должен вернуться второй молодой господин, они отправились его встречать.

Парнишка оказался довольно словоохотливым, и сразу же выложил всё как на духу. Оказалось, его звали Ван Суйцзи, и он был учеником клана с пяти лет. Его отец, дед и прадед – все служили клану Бэй, и мальчишка с гордостью продолжал эту семейную традицию. Пока Ши Цзысуй ел, Ван Суйцзи с воодушевлением рассказывал о клане, уже позабыв о том, чтобы держать спину идеально ровной. Ши Цзысуй пододвинул ему чашку с чаем и тарелки с закусками, и мальчишка, не прерываясь ни на минуту, уселся за стол. Только когда с завтраком было покончено, Ван Суйцзи спохватился, что что-то тут не так. Осознав, он распахнул глаза, густо покраснел и вскочил на ноги.

– Ох, я... я...

– Эй, сяо¹⁹ Ван, – прервал его страдания Ши Цзысуй. – Раз уж твой третий молодой господин сбежал, может, покажешь мне здесь всё?

– О... да! – лицо Ван Суйцзи мгновенно просияло. – Конечно!

Бэй Ху проснулся, едва на горизонте забрезжил рассвет. Умывшись, он долго стоял неподвижно, держа в руках приготовленные для него одежды. Чёрный халат с фиолетовой окантовкой на воротнике, рукавах и подоле, фиолетовый широкий пояс. В отличие от одежд обычных учеников, халаты членов клана, носивших фамилию Бэй, имели ещё и атласную вышивку в виде звериных узоров, тоже выполненную фиолетовой нитью.

Бэй Ху испытывал двоякие чувства. С одной стороны, эти одежды были привычны, он всё ещё хорошо помнил, как носил их каждый день, когда жил в клане. С другой, одежды Хунфэн он носил дольше, и теперь надевать что-то иное казалось странным. Но здесь, на территории клана Бэй, он являлся не учеником горы красных клёнов, а третьим сыном главы, и потому должен, следуя правилам, принять соответствующий вид.

Утренний туман ещё не успел рассеяться. Бэй Сюн, поглаживая чёрного жеребца по шее, стоял у ворот поместья, ожидая Бэй Ху, чтобы вдвоём отправиться встречать Бэй Лана. Впервые за много лет трое братьев должны были собраться вместе. Бэй Сюн был уже взрослым мужчиной, ему недавно исполнилось тридцать, он был искусен в бою, умён, имел сдержанный характер и крепкую волю. Но сейчас он совершенно не понимал, как вести себя с младшим братом. Бэй Лан после возвращения из Фуюнь рассказывал о Бэй Ху. Но слышать и видеть – не одно и то же. К тому же, Бэй Сюн остро чувствовал свою вину за то, что брату пришлось расти вдали от клана. Осознавать, но не иметь возможности изменить – вот что, пожалуй, хуже всего.

Бэй Сюн обернулся, когда на каменной дорожке послышались шаги. Из белого густого тумана появилась высокая стройная фигура. Светлая кожа на фоне чёрных одежд казалась ослепительно-белой, а льдистые глаза – необычайно яркими. Молодой мужчина выглядел холодным и отстранённым, его окутывала ледяная аура, словно призванная не подпускать никого ближе, чем на пять шагов. И на его поясе, будто в довершение этого неприступного облика, висел один из самых знаменитых мечей цзянху – Бинцзянь.

Когда Бэй Лун отдал его ещё совсем маленькому третьему сыну перед тем, как отослать в Хунфэн, многие в клане посчитали это решение странным. Зачем отдавать родовой меч мальчишке, который и частью клана-то не может быть? Разумеется, высказать это в лицо главе никто бы не осмелился, но люди частенько сочувствовали Бэй Сюну, что тот, став главой, не сможет получить фамильный меч.

Но Бэй Сюн никогда не придавал большое значение тому, что не сможет владеть Бинцзянем, для него меч – это всего лишь меч, даже с громким именем. Какая разница, у кого из троих сыновей главы клана он будет? Главное, что он останется в руках человека с фамилией Бэй. И только сейчас, увидев взрослого Бэй Ху, одетого в традиционные одежды клана, ощутив

¹⁹ # (xiǎo) – префикс, который добавляется к фамилии или имени при обращении старшего к младшему.

исходящую от него ауру, Бэй Сюн наконец всё понял. Понял, почему на самом деле отец отослал его и почему отдал ему меч. Ведь именно в руках Бэй Ху Бинцзяню и было самое место.

Территория поместья главы Бэй была очень обширной, но малолюдной. Построек здесь на самом деле тоже было совсем немного, большую часть площади занимали сады, а на западе был даже лес. Ван Суйцзи повёл Ши Цзысюя к пруду, на берегу которого стояла большая крытая каменная беседка, попутно рассказывая, кем из предыдущих поколений семьи Бэй она была построена. Паренёк до жути хорошо знал историю клана, словно с самого детства только и делал, что читал исторические хроники. Ши Цзысюй ещё во время обучения в Фуюнь предположил, что учеников в клане Бэй дрессируют как диких животных и, кажется, его догадка была недалеко от истины.

Когда они спустились к беседке, оказалось, что там уже есть люди. Ван Суйцзи неловко застыл, вылупив глаза, и едва слышно пролепетал:

– П-простите, г-глава клана, я не знал... – конец фразы уже невозможно было разобрать: губы мальчишки шевелились совершенно беззвучно.

Внутри каменной беседки стояли двое – Бэй Лун и Лан Сун. Когда появились Ван Суйцзи и Ши Цзысюй, они разговаривали, но, заметив двух молодых людей, прервались и обратили на них своё внимание.

Лан Сун был давно знаком с главой клана Бэй, ещё до того, как стал учителем Бэй Ху. На самом деле Бэй Лун выбрал Хунфэн для обучения своего сына именно по той причине, что к школе присоединился Лан Сун. Положение Бэй Ху было особым, номинально он считался учеником Хунфэн, однако фактический оставался членом семьи Бэй, а потому должен был обучаться техникам клана Бэй вне зависимости от того, где находился. Бэй Лун выбрал Лан Суна, во-первых, из-за давнего знакомства. Он очень ценил те качества, которые были в Лан Суне, и считал его одним из самых достойных людей в цзянху. Во-вторых, Лан Сун, покинув Хуоху, больше не имел права обучать кого-либо техникам этой школы, а значит, идеальнее всего ему подходили ученики, чьи базовые техники уже были поставлены – оставалось только развивать. Поэтому Бэй Лун предложил Лан Суну на полгода остаться в клане в Бэй, чтобы изучить их технику, а затем принять в ученики Бэй Ху. Чжоу Сяньцзянь дал разрешение, и Лан Сун согласился.

– Значит, твой племянник? – Бэй Лун посмотрел на Ши Цзысюя.

Ещё на севере Лан Сун и Янь Лин пришли к выводу, что посвящать кого-либо в то, кем является Ши Цзысюй, не стоит. Судя по всему, Тао Ян считал, что Лан Суну до сих пор ничего неизвестно о происхождении парня, и лучше, если он пока будет так считать и дальше. Однако скрывать этот факт от главы Бэя не было смысла. Во-первых, об этом знал Бэй Шэ, во-вторых, Бэй Лун был «заинтересованным лицом» – всё-таки его сын подвергся нападению наёмников из-за того, что находился с Ши Цзысюем. В-третьих, глава Бэй был явно не из тех, кто захочет как-либо использовать эту информацию.

– Сюй-эр, подойди, – позвал Лан Сун.

Ван Суйцзи тут же вспомнил о каких-то делах и утёк струйкой дыма, словно его тут и не было. Ши Цзысюй, усмехнувшись, покачал головой и направился к беседке.

– Мастер Лан сказал, что ты неплохо ладишь с Бэй Ху? – спросил Бэй Лун, когда юноша подошёл.

Ши Цзысюй задумался, можно ли назвать их с Бэй Ху отношения «неплохо ладим»... Но тут же одёрнул себя, мысленно потрянул головой и сдержанно кивнул в ответ.

– Пройдётся со мной? Слышать о своём ребёнке от его учителя одно, а от друга – совсем другое.

Ши Цзысюй нервно сглотнул и посмотрел на Лан Суна, словно ища спасения. Но тот совершенно ничего не заметил и одобрительно кивнул. Выбора не осталось – пришлось садиться верхом на тигра.

Они с Бэй Луном медленно шли вдоль пруда. Глава спрашивал о сыне, а Ши Цзысюй, аккуратно подбирая слова, рассказывал. Мужчина периодически улыбался, слушая истории о состязании Небесного Меча и Фуюнь. Сейчас он совсем не казался тем суровым главой клана, каким его описывали в цзянху. Он был отцом, который никак не мог наслушаться рассказов о сыне.

– Он спасал меня и не единожды, – в завершение сказал Ши Цзысюй. – Вы вырастили замечательного сына.

– Вырастил... – повторил Бэй Лун и поднял голову, вглядываясь в лазурную небесную даль. – Не уверен, ненавидит он меня или просто презирает.

Ши Цзысюй не ожидал, что глава Бэй коснётся настолько щекотливой темы в разговоре с ним. Но, видимо, сейчас этому суровому человеку просто было нужно поговорить с кем-то, кто знал, что на самом деле творится на душе его сына.

– Вы ведь отослали его, – неуверенно проговорил Ши Цзысюй. – Думаю, ему было одиноко в Хунфэн. И, наверное, сначала он был обижен, но сейчас... Мне кажется, это давно стало для него неважным.

Бэй Лун молчал какое-то время, а потом вдруг заговорил о совершенно неожиданных вещах:

– Когда родился Лан-эр, лекарь сказал, что моя жена больше не сможет выносить ребёнка. Мы решили, что такова воля небес. У нас было два прекрасных сына, не на что жаловаться. Но четыре года спустя она вновь забеременела. Лекарь советовал прервать беременность, чтобы не подвергать её здоровье риску. Но женщин клана Бэй не так-то просто напугать. Конечно, она отказалась. Беременность была тяжёлой, но моя жена, кажется, вложила всю свою любовь и нежность в дитя, что носила под сердцем, словно боясь недодать ему их. Незадолго до родов она спросила меня, что я буду делать, если родится мальчик. Тогда я отшутился, сказав, что это наверняка девочка, ведь небеса не могут быть так жестоки, чтобы после столь сложной беременности нам пришлось ещё и расстаться с этим ребёнком. Но если честно, тогда я был уверен, что даже если родится мальчик, я не последую этому правилу клана и никуда его не отправлю. Я помню ту ночь, когда на свет появился Ху-эр. Как взял его на руки, как жена устало улыбнулась и сказала, что наш третий сын похож на меня. После родов её здоровье ухудшилось. Она слабела на глазах и через два месяца её не стало.

Ши Цзысюй распахнул глаза от удивления, сердце в груди болезненно сжалось. Он не знал, что мать Бэй Ху умерла. Они говорили о многом, но Бэй Ху практически никогда ничего не рассказывал о своей семье. А Ши Цзысюй не лез с вопросами, понимая, что эта тема скорее всего до сих пор отдаётся болью где-то в глубине его души.

Бэй Лун продолжал говорить:

– Бэй Ху не довелось познать материнской ласки, любви и заботы. И поэтому я не отпускал его от себя. Мне так хотелось дать ему всё то, что он не получил, но я знал, что никогда не смогу этого сделать в полной мере. Бэй Ху стал последним даром моей жены, и я слишком боялся потерять его. Я знаю, что это неправильно, и как отец я не должен был выделять никого из своих детей, но правда в том, что я всегда любил Бэй Ху слишком сильно. Он с детства был талантливым и очень способным – сильным, решительным, непоколебимым. У него были все задатки лидера, а по способностям он превосходил своих братьев в том же возрасте. Он будто был благословлён всеми предками рода Бэй.

– Когда ему было семь, я поймал себя на мысли, что хотел бы видеть его следующим главой клана. Я всерьёз задумался о том, чтобы нарушить клановую преемственность в угоду своим желаниям. Просто потому, что хотел видеть любимого младшего сына наследником и преемником. Но разве имел я право так поступать со старшими детьми? В тот момент я осознал, что моя слепая любовь может принести беду нашей семье и всему клану. Что мои соб-

ственные дети могут пойти друг против друга из-за моего эгоизма. К тому же в клане уже пошли разговоры о том, что Бэй Ху очень одарён и, вероятно, превзойдёт своих братьев.

– Бэй Сюну на тот момент было девятнадцать. Разумеется, он знал обо всех этих сплетнях, хоть и не подавал вида. Но я почувствовал, что зерно сомнений уже зародилось в нём. Быть может, он и сам тогда до конца не осознавал этого. Но если бы Бэй Ху остался рядом, из этого зерна бы начало что-то прорасти... Тогда я решил сделать то, чего не хотел больше всего – отправить Бэй Ху обучаться в другую школу, чтобы не дать его братьям поводов для сомнений. Чтобы сохранить их братские узы и спокойствие внутри клана... В конце концов я выбрал клан вместо сына. Бэй Ху прав, называя меня в первую очередь главной, а не отцом, ведь мой поступок – это поступок главы клана, а не родителя. И те презрение и обида, которые Бэй Ху испытывает ко мне, вполне заслужены. Я готов принять любые его чувства, как бы сильно они не ранили, потому что это я первым ранил его.

Бэй Лун замолчал. Стая диких уток, хлопая крыльями, взлетела с поверхности пруда, быстро взвившись ввысь, и воздухе снова разлилась тишина, наполненная лишь полуденным стрекотанием цикад. Ши Цзысюй помолчал немного, раздумывая, стоит ли что-то говорить, но в итоге всё же решился:

– Простите мне мою дерзость, глава Бэй, но почему вы не расскажете об этом Бэй Ху? Разве это не позволит снять напряжение в ваших отношениях?

Бэй Лун усмехнулся:

– Боюсь, что бы я сейчас ни сказал, Бэй Ху воспримет это как оправдание. Он ещё молод, а его характер довольно сложный. Он упрям и если уж вбил себе что-то в голову, переубедить его будет непросто. Когда-нибудь я обязательно расскажу ему всё, но пока не время. Знаешь, почему рассказал тебе?

Ши Цзысюй честно покачал головой.

– Бэй Ху бы никогда не подпустил к себе человека, который бы не был для него важен. Я не знаю, какие отношения вас связывают, но ты занимаешь важное место в его жизни. И, кажется, он точно так же важен для тебя. Какое бы решение ни принял Бэй Ху, куда бы он ни пошёл, я всегда буду на его стороне, – Бэй Лун вдруг повернулся и посмотрел в глаза Ши Цзысюю. – Ты определённо станешь частью того, что грядёт, и Бэй Ху последует за тобой. В такое время друзья и враги могут с лёгкостью поменяться местами. Но как бы там ни было, я больше не хочу выбирать между сыном и долгом. Я был главой клана почти тридцать лет, теперь я хочу быть просто отцом.

Глава 74

Когда Бэй Ху был ребёнком, Бэй Сюн иногда брал его на прогулку в город. Он сажал мальчика себе на плечи, и так они гуляли по улицам и рынку, ели сладости, а потом останавливались у реки и смотрели, как по ней изредка проплывают лодки. Бэй Ху даже в детстве был неразговорчивым и мало улыбался, но в эти моменты он выглядел особенно счастливым.

Бэй Сюн любил своих братьев. Когда их мать умерла, Бэй Ху только родился, а Бэй Лану было немногим больше четырёх лет. Они оба лишились её слишком рано, но Бэй Сюну повезло вырасти с ней. Из-за этого он всегда чувствовал, что должен больше заботиться о братьях. Изначально он не допускал даже мысли о том, что отец может отослать Бэй Ху. Мальчик рос замкнутым, но упёртым, он был талантлив и делал большие успехи. Как старший брат, Бэй Сюн гордился им и искренне радовался его достижениям.

Позднее в клане начали болтать о том, что третий сын главы гораздо более выдающийся, чем двое старших. Бэй Сюн никогда не обращал внимания на сплетни и пропускал их мимо ушей. Но всё же он их слышал, и пусть неосознанно, но эти разговоры оседали где-то в глубине души. Бэй Сюн одёргивал себя, ведь это была такая глупость – он, уже ставший молодым мастером, будет соревноваться со своим едва ли достигшим семилетнего возраста братом? Бэй Сюн только смеялся и отмахивался от этих разговоров. Он не хотел задумываться о том, что на самом деле чувствует. Он действительно любил Бэй Ху и действительно не хотел бы, чтобы он рос вне клана.

Но, увидев однажды, как отец учил его техникам меча, каким выглядел Бэй Лун в этот момент и как смотрел на своего младшего сына, Бэй Сюн впервые в жизни ощутил какое-то неприятное чувство, будто тонкая иголка кольнула сердце. Бэй Лун никогда не был таким ни с ним, ни с Бэй Ланом. Это ощущение заставило молодого наследника клана испугаться и устыдиться одновременно. Он не хотел признавать, что почувствовал мимолётную ревность, в конце концов, он был уже практически взрослым мужчиной, а Бэй Ху – всего лишь ребёнком. Но тогда ему в голову всё же пришла та постыдная мысль, за которую Бэй Сюн будет корить себя всю оставшуюся жизнь. Он подумал, что, наверное, было бы лучше отослать Бэй Ху.

Эта мысль была едва уловимой, как взмах крыльев бабочки, однако впоследствии породила целую бурю. Бэй Сюн, вернувшись в комнату, отвесил себе звонкую пощёчину. В тот же вечер он собрал вещи и ранним утром отправился в цзянху. С того дня он стал возвращаться в город Бэй всё реже, ему было стыдно даже смотреть в глаза Бэй Ху из-за того, что позволил себе допустить эти абсурдные размышления. Его младший брат был просто ребёнком, который и так лишился материнской любви и ласки, а он, повинувшись глупой ревности, подумал о том, чтобы лишить его ещё и дома.

Бэй Сюн был молод и, наверное, в молодости ошибки, совершённые из-за горячей головы, прощительны. Если ты обидел кого-то, можно искренне попросить прощения, и тебя, возможно, простят и помогут снять груз вины. Но простить самого себя – гораздо сложнее. Здесь некому помочь, да и договориться с собственной совестью вряд ли получится.

Когда Бэй Сюн узнал, что Бэй Ху отправляют в Хунфэн, он впервые в жизни напился до беспамятства. Стыд, вина, горечь и бессилие слились воедино, и это было настолько невыносимо, что хотелось утопить все чувства и забыться. Но с каждым выпитым кувшином вина становилось только хуже. Отец никогда не говорил, что отошлёт Бэй Ху, и вдруг ни с того ни с сего сделал это. Бэй Сюн видел лишь одну причину, по которой Бэй Лун так поступил – чтобы не дать поводов старшему сыну сомневаться в своём праве стать главой. Бэй Сюн осознал, что Бэй Лун заметил перемену в его отношении к Бэй Ху, ведь он действительно отстранился от брата, и если это так, то вина за то, что Бэй Ху будет вынужден всю жизнь провести вдали от дома, целиком и полностью ложилась на его, Бэй Сюна, плечи.

Никогда ещё в жизни Бэй Сюн так не сожалел о своих поступках, как в тот день. Он действительно считал, что практически собственными руками подписал приказ об отлучении Бэй Ху от клана. И именно поэтому он не явился попроситься с Бэй Ху перед его отбытием. Он просто не смог бы взглянуть ему в глаза. Он струсил. Бэй Сюн сидел на городской стене, смотря, как Бэй Шэ увозит Бэй Ху, до тех пор, пока фигуры всадников не превратились в чёрные точки и не растворились за горизонтом. Отец обеспечил ему беспорное право занять пост главы клана. Но стоило ли оно той цены, которую за него заплатили?

Лишь десять лет спустя Бэй Сюн понял, что Бэй Лун поступил так не столько из-за него, сколько из-за собственных страхов. Он сделал это для клана, для старшего сына, для сохранения мира и традиций, но против своих чувств и желаний. Они все были виноваты в том, что отняли у Бэй Ху дом, и все они должны были нести этот груз всю оставшуюся жизнь. Мальчик превратился в мужчину, но за этим холодным и бесстрастным лицом навсегда остался покинутый всеми ребёнок. Это уже не изменить и не исправить никакими словами или делами.

Двое братьев сидели в чайной недалеко от городской стены в ожидании прибытия Бэй Лана. Взгляд Бэй Ху был направлен в окно, а лицо казалось безучастным. Бэй Сюну всегда было сложно понять, о чём он думает, а после многолетней разлуки он и вовсе не знал, что говорить и делать рядом с братом. Неловкая тишина витала над их столиком, смешиваясь с ароматом травяного чая и сладких закусок. Бэй Сюн решил начать с самой, казалось бы, безопасной темы:

– Тот парень, Ши Цзысуй, твой друг?

По какой-то причине взгляд Бэй Ху стал ещё более острым и холодным, когда он взглянул на Бэй Сюна. Мужчина лихорадочно соображал, что тут-то мог сказать не так. Однако Бэй Ху, пронзив его ледяным взглядом, снова отвернулся к окну и бесстрастно ответил:

– Нет.

Снова повисла неловкая пауза. Действительно, с этим парнем было очень сложно иметь дело. Бэй Сюн знал, как найти подход к маленькому Бэй Ху – посадить на плечи, закупить кучу сладостей и отвести посмотреть на лодки. Но что делать со взрослым – не имел понятия. Только сейчас он в полной мере осознал цену этих десяти потерянных лет. Между ним и младшим братом была пропасть, преодолеть которую, возможно, не получится и за всю жизнь.

Бэй Сюн какое-то время нервно покручивал чайную чашку, затем поднял взгляд на Бэй Ху и заговорил:

– Ты... хотел бы вернуться в клан?

Бэй Ху отвернулся от окна и посмотрел на брата. Он попытался вспомнить, каким был Бэй Сюн, когда они виделись в последний раз. Походил ли он на себя нынешнего? Или тогда мужественность на его лице всё ещё уступала юности? В тот год, когда Бэй Ху отправился в Хунфэн, Бэй Сюну должно было быть около двадцати или чуть больше. Он был примерно в том же возрасте, что сейчас Бэй Ху. Он не мог принимать решений, не мог ни заставить отца отказаться от этой затеи, ни пойти ему наперекор. Он был таким же заложником правил клана, как и все, кто рождён с фамилией Бэй.

Возвращаясь в родные земли, Бэй Ху чувствовал досаду, что много лет томилась внутри него. Но пробыв здесь одну ночь, он вдруг понял, что этот тугой узел, мешавший вздохнуть полной грудью, ослаб. Все здесь относились к нему как к бесценной фарфоровой вазе, боясь лишний раз прикоснуться или задеть ненароком. И такое отношение было продиктовано единственным чувством – виной. Только теперь Бэй Ху осознал, что все эти годы не он один чувствовал боль от несправедливого отношения. Все они – отец, братья, дяди – чувствовали горечь от собственного бессилия. Разница между ними была лишь в том, что Бэй Ху мог выбирать свою судьбу, а они – нет.

– Дагэ, – заговорил Бэй Ху, и тон его стал менее холодным и отстранённым. – Ты не должен искать моего прощения, потому что мне не за что тебя прощать. Сегодня я кое-что понял: я ни в чём не виню ни отца, ни тем более тебя. Наоборот, я благодарен. Утратив то, что имел,

я в итоге обрёл нечто большее. То, ради чего готов сражаться и умереть, но не потому что должен, а потому что я этого хочу. Отец не лишил меня клана, он подарил мне свободу. Я могу выбрать свой путь, не оглядываясь ни на правила, ни своё положение, ни на свою фамилию. Это лучшее, что отец мог мне дать. Даже если позовёшь, я не вернусь в клан. Потому что есть кто-то, кого я хочу защищать до последнего вздоха. Моё сердце, моя душа и моя жизнь более мне не принадлежат, я отдал их добровольно. И если потребуется, я без раздумий отрекнусь от всего, что связывает меня с прошлым, потому что мне гораздо важнее тот, кто есть в настоящем.

Бэй Сюн почувствовал, как его глаза защипали. Это удивило и его самого, он поспешно опустил взгляд, неловко потирая лоб, чтобы прикрыть лицо ладонью.

– Ух ты, дагэ, ты что, плачешь?! – раздался весёлый голос, Бэй Ху обернулся и увидел подходящего к их столу Бэй Лана.

Он был в дорожных одеждах, покрытых толстым слоем пыли, словно скакал всю ночь без остановки. Бэй Лан плюхнулся за стол рядом с Бэй Ху, вытянул ноги и устало выдохнул. Затем слегка толкнул младшего брата локтем, говоря:

– Ты довёл нашего дагэ до слёз?

– Заткнись, – процедил Бэй Сюн, но предательски покрасневшие уголки глаз выдавали его с потрохами.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Бэй Лан, затем взял чайную чашку, одним глотком осушил её и с громким стуком поставил на стол. – Наконец-то все братья Бэй вместе, – он закинул руку на плечи Бэй Ху и притянул его к себе. – Давайте же отметим это как следует!

Небо уже потемнело. Ши Цзысюй сидел в отведённой ему комнате, в тишине наблюдая, как на небосклоне зажигаются звёзды. Всё-таки в северных землях было что-то притягательное и уникальное. Даже небо, которое, казалось бы, везде одинаково, выглядело здесь как-то иначе. Север был особенным, быть может, поэтому таким был и Бэй Ху.

Ши Цзысюя отвлек шум, донёсшийся со двора. Он встал, пересёк комнату и открыл дверь. В свете жёлтого фонаря в воротах он заметил три фигуры. Они двигались медленно и немного странно, постоянно покачиваясь и пошатываясь. Когда троица подошла ближе, Ши Цзысюй понял, что это братья Бэй. Бэй Ху был между Бэй Ланом и Бэй Сюном, братья буквально тащили его на себе, перекинув его руки через свои плечи, хотя и сами не особо твёрдо стояли на ногах. Голова Бэй Ху была низко опущена, растрёпанные волосы падали на лицо, а заплетающиеся ноги еле двигались. Терпкий аромат вина теперь отчётливо чувствовался в воздухе.

Ши Цзысюй с каменным лицом смотрел на эту картину, не зная как реагировать. Хотя сейчас его больше интересовал вопрос, почему он вообще её видит. Покои сыновей главы находились в совершенно другой стороне. Бэй Сюн, видимо, оказался самым трезвым среди них. Он поднял голову, и его лицо просияло, как только он увидел Ши Цзысюя. Мужчина помахал рукой, подзывая его.

– Хорошо, что ты ещё не спишь! – слегка растягивая слова, сказал Бэй Сюн. – Ху-эр ни в какую не хотел возвращаться к себе и всё время требовал отвести его сюда.

Ши Цзысюй остановился напротив братьев. Бэй Ху поднял голову и слегка прищурился, его взгляд казался затуманенным, а на щеках можно было заметить слабый розоватый румянец, довольно редко появлявшийся на бледной коже оборотня. Бэй Ху отклонился немного назад, стряхнул со своих запястий руки братьев, которые придерживали его и, оттолкнув их, шагнул вперёд, практически рухнув на плечи Ши Цзысюя. Тот был ниже Бэй Ху на целую голову, да и телосложением уступал, поэтому под весом его тела слегка отшатнулся и сделал шаг назад, но всё же удержал Бэй Ху, крепко обхватив его руками под грудью.

– Этот парень совсем не умеет пить! – пошатываясь, заявил Бэй Лан, состояние которого было ненамного лучше, чем у Бэй Ху. Оставалось только догадываться, как они трое вообще

умудрились добраться до дома. Бэй Лан закинул руку на плечи Бэй Сюну и только после этого перестал раскачиваться из стороны в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.